

НЕКОТОРЫЕ ДВЕРИ
НЕ ВЕДУТ НИКУДА.
ОНИ ПРОСТО ЖДУТ.

ПОДЪЕЗД, КОТОРОГО НЕТ

А. РОУДЕН

А. Роуден

Подъезд, которого нет

«Автор»

2026

Роуден А.

Подъезд, которого нет / А. Роуден — «Автор», 2026

У каждого дома есть свои тайны. Но некоторые из них лучше не вспоминать. Получив известие о смерти бабушки, Марина возвращается в квартиру своего детства. Среди старых фотографий и странных записей она обнаруживает дверь, ведущую на лестницу, которой не должно существовать. За ней — шестой этаж, исчезнувшие дети и люди, которых никто не помнит. Здесь прошлое меняется, чужие воспоминания становятся своими, а за каждым возвращением скрывается чья-то потеря. Марина пытается восстановить события, произошедшие много лет назад, и понять, почему из её памяти исчезла собственная сестра. Но чем ближе она к разгадке, тем страшнее становится правда: возможно, однажды она уже сделала выбор, за который кому-то приходится расплачиваться до сих пор. 14 октября ей предстоит выбрать снова. И на этот раз дом может не отпустить никого. Потому что иногда самое страшное — не потерять близкого. А узнать, кого ты оставил за закрытой дверью.

© Роуден А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Ключи	5
Глава вторая. Девочка на фотографии	20
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Подъезд, которого нет

Глава первая. Ключи

Марина узнала о смерти бабушки в четверг, в половине восьмого утра, когда пыталась отмыть с рукава белой рубашки пятно от кофе.

Телефон лежал на краю раковины и вибрировал так настойчиво, что постепенно сдвинулся к самому сливу. Марина придержала его мокрым локтем, другой рукой потянулась за полотенцем и едва не уронила щётку в раковину.

— Да?

— Марина Викторовна?

Голос был незнакомый, женский, с той особенной осторожностью, с какой обычно звонят из больницы, управляющей компании или полиции. Люди ещё ничего не сказали, а ты уже понимаешь, что сейчас придётся отложить все свои дела.

— Да, это я.

— Меня зовут Елена Сергеевна. Я участковый врач вашей бабушки, Анны Павловны. Вы её внучка?

Марина посмотрела на кофейное пятно. Оно расплылось по ткани и теперь напоминало карту неизвестной страны.

— Да. А что случилось?

На том конце провода помолчали.

— Ваша бабушка умерла сегодня ночью. Соседка вызвала скорую, но мы уже ничего не могли сделать.

Марина перестала тереть рубашку.

За окном, на другой стороне двора, дворник в оранжевом жилете скрёб лопатой вчерашний снег. Снег был серый, тяжёлый, перемешанный с песком.

Внизу кто-то прогрел машину, и выхлопные газы тянулись вдоль домов, не поднимаясь выше второго этажа.

Всё продолжалось как обычно. Именно это почему-то показалось неправильным.

— Когда? — спросила Марина.

— Примерно в три часа ночи. Точнее пока не скажу. Если сможете, подъедьте сегодня. Нужно будет решить некоторые вопросы с документами.

Марина машинально кивнула, хотя женщина не могла её видеть.

— Хорошо.

— Вы меня слышите?

— Да.

— Марина Викторовна, примите мои соболезнования.

— Спасибо.

Она отключилась и положила телефон на стиральную машину. Потом снова взяла его, посмотрела на экран и проверила, не пропустила ли чего-нибудь ещё. Как будто смерть бабушки могла оказаться сообщением, которое при необходимости можно открыть повторно, перечитать и обнаружить там другие сведения.

В мессенджере висело последнее бабушкино сообщение. Отправлено одиннадцать дней назад, в 21:46.

Мариш, ты не забыла, что у меня твоя синяя папка?

Марина тогда ответила почти сразу:

Нет. Заберу как-нибудь на неделе.

Следом пришло:

Не тяни. Там твои документы.

Она поставила реакцию в виде сердечка и больше ничего не написала.

Теперь Марина долго смотрела на эти четыре строчки.

Документы действительно лежали у бабушки. Свидетельство о разводе, какие-то справки, старый диплом. Она собиралась забрать их ещё летом, потом в сентябре, потом после отпуска. В итоге прошло почти полгода.

— Чёрт, — сказала Марина.

Слово прозвучало буднично и даже как-то неуважительно. Она повторила его тише, словно хотела подобрать другое, более подходящее, но ничего не нашла.

Потом выключила воду.

На работу она не поехала.

В половине десятого Марина сидела на кухне перед остывшим чаем и пыталась дозвониться до двоюродной тётки Светы.

Тётя не отвечала. Впрочем, она редко брала трубку с первого раза. Сначала смотрела, кто звонит, потом решала, удобно ли ей разговаривать, и только после этого перезванивала сама. Даже если речь шла о чём-то срочном, её поведение не менялось. В семье считали, что Света умеет превратить любую неприятность в очередь к окошку номер три.

Марина написала ей сообщение: Бабушка умерла. Мне врач позвонила. Ты знаешь что-нибудь?

Ответ пришёл через семь минут.

Господи. Как?

Сказали, ночью.

Я же говорила ей, надо было обследоваться.

Марина отложила телефон.

Вот и всё. Ни «я сейчас приеду», ни «ты как?». Сначала обследоваться, потом, видимо, умирать правильно.

Она не стала отвечать. У неё не было сил выяснять, кто и кому что говорил последние несколько лет.

С бабушкой они виделись редко. Не потому, что поссорились или перестали любить друг друга. Просто отношения постепенно стали напоминать старый радиоприёмник: если не трогать, он иногда ловил знакомую волну, но стоило попытаться настроить звук получше, начинался треск.

В детстве Марина проводила у Анны Павловны почти каждое лето. Бабушка жила в старой пятиэтажке на улице Лесной, в квартире с узким коридором и кухней, где всегда пахло жареным луком, хозяйственным мылом и сушёными яблоками. Она умела делать пироги с капустой, ругалась на телевизионных ведущих и никогда не выбрасывала стеклянные банки, потому что «ещё пригодятся».

Когда Марина училась в седьмом классе, бабушка научила её штопать носки. Не потому, что в доме не было денег на новые, как решила Марина, а потому, что ей не нравилось, когда вещи выбрасывали только из-за одной дырки.

— Ты сначала посмотри, можно ли исправить, — говорила она. — А уж потом решай, что сломано.

Эта фраза почему-то запомнилась лучше всех остальных.

В пятнадцать лет Марина перестала ездить к ней на лето. В восемнадцать уехала учиться. Потом работа, съёмные квартиры, замужество, развод, новая работа. Иногда она звонила бабушке по воскресеньям, пока варила суп или складывала бельё. Иногда забывала на две недели, а потом испытывала такое раздражение на саму себя, что откладывала звонок ещё на несколько дней.

Бабушка никогда не упрекала её напрямую. Она спрашивала, ест ли Марина нормально, не мёрзнет ли, не собирается ли наконец купить себе зимние ботинки получше. А в конце разговора говорила:

— Ладно, не буду тебя задерживать. У тебя своя жизнь.

И Марина каждый раз чувствовала себя так, словно получила разрешение уйти от человека, который вовсе не хотел её отпускать.

В последний раз они виделись в конце августа.

Марина приехала забрать старую швейную машинку, которую бабушка обещала ей ещё несколько лет назад. Машинка оказалась тяжёлой, покрытой пылью и совершенно бесполезной без педали, которую никто не мог найти. Они провели на кухне почти два часа, пили чай с печеньем и спорили о том, стоит ли Марине снова выходить замуж, если когда-нибудь появится подходящий человек.

— Я не собираюсь сейчас замуж, — сказала тогда Марина.

— Сейчас никто и не заставляет.

— Ты каждый раз об этом спрашиваешь.

— Значит, каждый раз забываю ответ.

Марина засмеялась, а бабушка почему-то не улыбнулась.

Перед уходом она проводила внучку до двери, придерживая ладонью косяк.

— Ты ведь ещё приедешь?

— Конечно.

— Не надо мне «конечно». Ты просто скажи, когда.

Марина уже застёгивала куртку и искала в сумке ключи.

— На следующей неделе, бабуль. Заберу папку.

— Хорошо.

Но папку она не забрала.

Теперь эта короткая сцена возвращалась в память с неприятной отчётливостью. Марина помнила даже, что в тот день у бабушки на рукаве домашнего халата была пришита маленькая синяя пуговица, не подходившая по цвету к остальным.

Она резко встала, отнесла кружку в раковину и начала собираться.

Нужно было ехать.

Сначала в поликлинику, потом к нотариусу или куда там обращаются в таких случаях. Позвонить на работу. Найти документы. Разобраться с похоронами. Предупредить людей.

Дел было достаточно, чтобы не думать о том, что бабушки больше нет.

Марина всегда предпочитала именно такой способ справляться с неприятностями: составить список, выстроить задачи по порядку и не останавливаться, пока не появится ощущение, что всё находится под контролем.

Проблема заключалась в том, что некоторые вещи не поддавались контролю, сколько бы пунктов ни было в списке.

Она ещё не знала, что в этот день ей придётся вернуться в дом, из которого в детстве она боялась выходить одна.

И что впервые за много лет она вспомнит одну вещь, о которой давно решила забыть.

В детстве бабушка запрещала ей считать ступени.

Не всегда. Не при всех. И никогда не объясняла почему.

Но если Марина начинала шептать цифры, спускаясь по лестнице, Анна Павловна немедленно брала её за руку и говорила:

— Хватит. Дальше не считай.

Тогда Марина думала, что это одна из бабушкиных странностей.

Теперь ей предстояло выяснить, откуда она взялась.

До улицы Лесной можно было добраться двумя способами. На автобусе — с пересадкой у торгового центра, где всегда пахло горячим тестом из киоска и мокрой шерстью, — или на такси, если не хотелось тащиться через весь город с пересохшим горлом и неприятным ощущением, будто забыла сделать что-то важное.

Марина выбрала такси.

Водитель оказался разговорчивым мужчиной лет пятидесяти, с красными от холода щеками и потрескавшейся кожей на руках. В машине играло радио. Диктор сообщал о гололеде, перебоях в работе нескольких котельных и предстоящем похолодании. Мужчина слушал вполуха, время от времени покашливая в кулак.

— На Лесную, говорите? — переспросил он, когда навигатор предложил свернуть направо.

— Да.

— К какому дому?

Марина назвала номер.

Водитель взглянул на неё в зеркало.

— А, знаю. Старый фонд.

— Угу.

— Там же лифтов нет?

— Пять этажей всего. Зачем там лифт?

— Да я не про это. Просто сейчас все жалуются, что дома старые, то одно, то другое. А переселяться никто не хочет.

Марина промолчала.

Мужчина, кажется, понял, что беседа не складывается, но сдаваться не собирался.

— Вы там живёте?

— Нет. Бабушка жила.

— А-а.

Он помолчал, переключил передачу и добавил:

— Значит, наследство.

— Умерла она.

Водитель перестал улыбаться.

— Извините.

— Ничего.

После этого он больше не разговаривал. Только один раз, уже на подъезде к нужному двору, убавил радио, чтобы пропустить машину скорой помощи. Та стояла у обочины с включёнными проблесковыми маячками, но сирена не работала.

Марина смотрела в окно.

Город за последние годы изменился сильнее, чем ей казалось. На месте старого продуктового магазина теперь стоял пункт выдачи заказов, рядом открыли кофейню с большими окнами и деревянными столиками. Там, где раньше был пустырь, построили жилой комплекс с подземным паркингом и закрытой территорией. Дети больше не катались с горки за гаражами — горку срезали, а гаражи частично разобрали.

Но пятиэтажка на Лесной осталась прежней.

Таксист остановился у въезда во двор. Марина расплатилась, вышла и сразу почувствовала, как холод пробрался под воротник пальто.

Она не была здесь почти полгода.

Вроде бы ничего не изменилось: те же облупленные балконы, тот же покосившийся козырёк над подъездом, тот же кусок асфальта, который каждую весну превращался в лужу глубиной по щиколотку. На лавке у соседнего дома сидели две женщины. Одна держала на коленях хозяйственную сумку, другая курила, спрятав руку с сигаретой в рукав пуховика.

Обе посмотрели на Марину.

Она сделала вид, что не заметила.

Возле входа стояла чья-то детская коляска. Синяя, с облезлой ручкой и одним колесом, которое было заменено на другое, заметно больше. В детстве Марина иногда пряталась за этой коляской, когда играла с соседскими детьми. Тогда она казалась ей огромной, почти как автомобиль.

Сейчас она выглядела жалко.

Марина толкнула дверь.

Подъезд встретил её знакомым запахом сырости, кошачьего корма и старой краски. Лампочка под потолком горела ровно, но свет всё равно был какой-то больничный. На стене у почтовых ящиков кто-то написал чёрным маркером номер телефона и слово «ремонт», перечёркнутое двумя жирными линиями. На полу лежала реклама доставки суши, размокшая по краям.

Она остановилась, чтобы закрыть за собой дверь.

И услышала, как наверху хлопнула форточка.

Звук прокатился по лестничной клетке, отразился от стен и затих где-то между вторым и третьим этажами.

Марина подняла голову.

Ничего необычного. Обычный дом. Обычная лестница.

Она пошла наверх.

На площадке второго этажа стоял запах жареной рыбы. Из квартиры слева доносился телевизор, кто-то громко смеялся. На третьем этаже за дверью ругались мужчина и женщина. Женщина говорила быстро, почти без пауз, мужчина отвечал коротко, будто экономил слова.

На четвёртом было тихо.

Марина помнила, что здесь жила пожилая пара, супруги Кругловы. Дедушка Круглов умер ещё до того, как Марина окончила школу, а бабушка после этого почти перестала выходить из квартиры. Иногда Марина видела её на лестнице — маленькую, сутулую, с прозрачными голубоватыми глазами. Она всегда носила одну и ту же коричневую кофту и ходила с авоськой, в которой звенели пустые бутылки.

В последний раз Марина встретила её, кажется, года два назад. Тогда старуха спросила, чья она внучка, хотя знала Марину с детства.

«Анны Павловны?»

«Да».

«А она ещё там живёт?»

Марина тогда удивилась вопросу.

«Конечно. А где ей жить?»

Соседка ничего не ответила. Только посмотрела на неё так, будто хотела сказать что-то важное, но передумала.

Марина решила, что у старухи начались проблемы с памятью.

Теперь она невольно задержалась у двери квартиры Кругловых.

На табличке всё ещё значились фамилия и номер. Под дверью лежал тонкий слой пыли. Марина уже собиралась идти дальше, когда заметила на косяке небольшую царапину — вертикальную, неровную, словно кто-то провёл по дереву острым предметом.

Чуть ниже была ещё одна.

И ещё.

Она наклонилась.

Царапины шли парами, на одинаковом расстоянии друг от друга. На высоте детского роста, примерно в метре от пола.

Марина выпрямилась.

«Кошка», — подумала она.

Хотя никаких кошек у Кругловых она не помнила.

На пятом этаже пахло пылью и старым деревом. Здесь давно никто не делал ремонт, и стены местами покрылись жёлтыми пятнами. Под потолком тянулась паутина, в которой застрял маленький сухой лист.

Квартира 14 находилась в конце коридора.

Марина достала ключи.

Она узнала их сразу, хотя не держала в руках много лет. На связке всё ещё висела та самая выцветшая бирка, только надпись на ней стала почти нечитаемой. Ключи звякнули, когда она попыталась выбрать нужный.

Первый не подошёл.

Второй провернулся в замке, но дверь не открылась.

Марина нахмурилась, нажала на ручку и попробовала ещё раз.

Из квартиры донёсся короткий скрежет.

Она замерла.

Звук был похож на то, как передвигают тяжёлый стул по полу.

— Ну давай, — пробормотала Марина, сильнее надавив на дверь.

Замок щёлкнул.

Дверь подалась внутрь.

В квартире было холодно.

Не так, как бывает в помещении, где несколько дней не включали отопление, а иначе — словно воздух здесь давно не двигался. Марина вошла, включила свет и закрыла за собой дверь. Потом сняла пальто, повесила его на крючок и прислушалась.

Тишина.

Она стояла посреди коридора, держа в руках сумку, и чувствовала себя незванным гостем в чужом доме.

Хотя это был дом её бабушки.

Квартира встретила Марину почти без изменений.

На стене в коридоре висело зеркало в деревянной раме. Под ним стояла тумбочка с тремя ящиками, верхний из которых заедал, если тянуть его за левый край. На тумбочке лежали старые перчатки, пачка влажных салфеток и маленькая стеклянная баночка с пуговицами.

Марина сняла обувь, поставила ботинки на коврик и прошла на кухню.

На столе стояла чашка с засохшим чайным ободком. Рядом лежала газета, сложенная вчетверо, и очки в тонкой металлической оправе. На подоконнике сохли две тряпки. В раковине стояла кастрюля с крышкой, а возле плиты лежал пакет с сухарями.

Марина открыла холодильник.

Внутри пахло кислым молоком и укропом. На верхней полке стояла банка с остатками варенья, на нижней — контейнер с чем-то серым и неузнаваемым. Она быстро закрыла дверцу.

— Господи, бабуль...

Сказала это почти сердито.

Она достала телефон и набрала номер тёти Светы ещё раз. На этот раз та ответила сразу.

— Да?

— Я приехала. Ты где?

— Дома.

— Ты приедешь?

— Марин, я не могу сейчас. У меня давление, я только из поликлиники.

Марина закрыла глаза.

— Тётъ Свет, бабушка умерла. Ты понимаешь?

— А что ты от меня хочешь? — голос тёти мгновенно стал обиженным. — Я же не могу её воскресить.

— Я не прошу тебя её воскрешать. Я спрашиваю, приедешь ты или нет.

— А что там делать? Ты же уже приехала.

Марина посмотрела на чашку на столе.

— Не знаю. Например, помочь разобрать вещи.

— Ну, это потом. Сейчас тебе надо с документами разобраться. Ты же молодая, работаешь, тебе проще.

Марина усмехнулась.

— Конечно. Мне всегда проще.

— Не начинай.

— Я и не начинала.

На том конце провода что-то зашуршало.

— Послушай, — сказала тётя Света уже тише. — Я тебе потом перезвоню. Хорошо? Мне сейчас нехорошо.

Марина хотела сказать, что ей тоже нехорошо. Что она не знает, с чего начинать, что ей страшно заходить в бабушкину спальню, хотя она сама не понимает почему. Что ей хочется, чтобы хоть кто-нибудь приехал и просто посидел рядом, пока она будет перебирать вещи умершего человека.

Вместо этого она ответила:

— Ладно.

— Ты только ничего не выбрасывай. Там могут быть документы.

— Хорошо.

— И деньги посмотри. Бабушка могла где-нибудь отложить.

Марина посмотрела на старую газету.

— До свидания, тёть Свет.

Она отключилась раньше, чем та успела ответить.

Некоторое время Марина стояла неподвижно, с телефоном в руке. Потом открыла окно на кухне, чтобы проветрить, но тут же закрыла его: с улицы потянуло холодом, а в квартире и без того было зябко.

Она решила начать со спальни.

В шкафу всё было аккуратно развешено. Платья, кофты, старые халаты. На нижней полке стояли коробки из-под обуви, перевязанные бечёвкой. Марина вытащила одну и поставила на кровать.

Внутри лежали фотографии.

Она узнала себя на первой же: лет восемь, короткая стрижка, огромный бант и два передних зуба, которые только начали расти после смены молочных. На фотографии Марина стояла рядом с бабушкой на фоне дачного забора. Анна Павловна держала её за плечи и смотрела в объектив с таким выражением, словно фотограф её чем-то обидел.

Марина улыбнулась.

— Ну и лицо у тебя, бабуль.

На следующем снимке она была уже подростком. На третьем — выпускной класс. Потом фотографии стали реже. На одном снимке Марина стояла возле университета, на другом — возле машины, которую купил её бывший муж. Последние фотографии были сделаны на чей-то день рождения. Бабушка сидела за столом, а Марина стояла за её спиной, наклонившись к тёте Свете. Обе улыбались чему-то за пределами кадра.

Марина положила фотографию обратно.

Под снимками обнаружилась небольшая тетрадь в синей обложке.

Она раскрыла её.

Первые страницы были заполнены записями о расходах: пенсия, лекарства, коммунальные платежи. Дальше шли списки покупок, телефонные номера, какие-то расчёты. Почерк у бабушки был мелкий, аккуратный, с длинными хвостами у букв «у» и «д».

На последней заполненной странице стояла дата — 14 октября.

Марина нахмурилась.

Четырнадцатое октября было через пять дней после того, как бабушка отправила ей последнее сообщение.

Под датой было написано:

Свет не включать.

Ниже:

Если опять постучат — не отвечать.

А ещё ниже, уже другим почерком, будто ручку держали дрожащими пальцами:

Она знает, что Марина приедет.

Марина перечитала последнюю строчку.

Потом закрыла тетрадь и положила её на кровать.

Первой мыслью было, что у бабушки начались серьёзные проблемы с памятью. Возможно, она путала события, записывала то, что слышала во сне, или просто пыталась удержать в голове тревожные мысли.

Но дата не давала ей покоя.

Четырнадцатое октября.

Она открыла переписку и нашла бабушкино сообщение. Одиннадцать дней назад. Вечером.

Мариш, ты не забыла, что у меня твоя синяя папка?

Марина вдруг поняла, что не помнит, отправляла ли бабушка когда-нибудь сообщения в таком тоне. Обычно она писала коротко, без лишних знаков препинания. А здесь было что-то почти торопливое. Как будто бабушка хотела убедиться, что Марина действительно приедет.

Или напомнить ей о чём-то, что та давно забыла.

Марина снова раскрыла тетрадь.

На предыдущей странице обнаружилась ещё одна запись, сделанная за несколько дней до этого:

Ночью опять ходили по лестнице. Слышно, как считают.

Марина почувствовала, что у неё пересохло во рту.

Она не знала, почему именно эта строчка показалась ей страшной. В старых домах постоянно кто-то ходит по лестнице. Соседи возвращаются с работы, дети бегают по площадкам, кто-нибудь спускается покурить или вынести мусор. А считать ступени могли и дети, и взрослые — просто от скуки.

Она захлопнула тетрадь.

— Так, всё. Хватит.

В комнате стало тихо.

Слишком тихо, чтобы продолжать делать вид, будто она ничего не заметила.

Марина встала, подошла к двери спальни и выглянула в коридор.

Ей показалось, что со стороны входной двери тянет холодом.

Она подошла ближе.

Замок был закрыт. Цепочка висела на месте. На коврике лежали её ботинки, рядом стояли старые бабушкины тапочки.

Ничего необычного.

Марина уже собиралась вернуться в спальню, когда увидела на полу возле порога маленький мокрый след.

Потом второй.

Следы вели от входной двери вглубь квартиры.

Она медленно опустила взгляд на свои ботинки. Подошвы были сухими. Когда она снимала обувь, на коврик не осталось ни капли воды.

Марина присела и коснулась пола пальцами.

Вода была холодной.

Она выпрямилась и посмотрела на дверь.

За ней кто-то тихо прошёл по лестнице.

Раздались шаги.

Один.

Второй.

Третий.

Они медленно поднимались вверх, останавливаясь на каждой площадке.

Марина стояла, не двигаясь, и слушала.

Шаги достигли четвёртого этажа.

Потом пятого.

И остановились прямо за дверью её квартиры.

Марина не сразу поняла, что перестала дышать.

Она стояла посреди коридора, босая, с холодными пальцами и глупо приоткрытым ртом, прислушиваясь к двери. За ней больше не было слышно шагов. Ни скрипа ступеней, ни шороха одежды, ни привычного звона ключей, который обычно выдавал соседей раньше, чем они успевали достать их из кармана.

Кто-то стоял на площадке.

Она знала это так же определённо, как знала, что за стеной находится соседская квартира, а под ногами — бетонное перекрытие. Не предполагала. Не боялась, что, возможно, кто-то стоит. Знала.

— Кто там? — спросила она.

Собственный голос прозвучал неприятно громко.

Ответа не последовало.

Марина выругалась себе под нос, вернулась в спальню и схватила телефон. На экране было 14:38. Она проверила время ещё раз, будто цифры могли измениться, если посмотреть внимательнее.

Сети было две полоски.

Она открыла контакты, нашла номер участкового врача и тут же закрыла его. Зачем звонить врачу? Что она скажет? Что в квартире умершей бабушки кто-то ходит по лестнице и оставляет мокрые следы?

Нормальный человек сначала проверил бы дверь.

Марина вернулась в коридор.

Следы никуда не исчезли. Две тёмные отметины на линолеуме уже начали подсыхать по краям. Они были небольшими, вытянутыми, с отчётливым отпечатком пятки. Марина присела, чтобы рассмотреть их поближе.

Это была не вода из-под обуви. По крайней мере, не совсем обычная вода. Она казалась сероватой, словно в ней растворили пыль или мелкий песок.

Марина провела пальцем по одному следу, потерла подушечку большого пальца об указательный. На коже осталась тёмная грязь.

— Отлично, — сказала она. — Просто отлично.

Она сходила на кухню за бумажным полотенцем, вытерла пол и выбросила его в мусорное ведро. Затем проверила входную дверь: замок был закрыт, цепочка висела на месте, ручка не двигалась.

Никаких признаков того, что кто-то заходил внутрь.

Марина открыла глазок.

Площадка была пустой.

Напротив стояла дверь квартиры Кругловых. На ней висел старый коврик с изображением собаки, выцветший до неопределённого коричневого пятна. Слева находилось окно лестничной клетки, через которое виднелась стена соседнего дома.

Ни человека, ни тени.

Она посмотрела вниз, на лестницу.

Отсюда была видна часть пролёта между четвёртым и пятым этажами. Там никого не было.

Марина закрыла глазок и выдохнула.

Возможно, кто-то просто поднялся по лестнице, постоял у двери соседей и ушёл. Следы могли остаться от её собственных ботинок — она не помнила, насколько внимательно вытерла подошвы. А то, что шаги остановились именно у её квартиры, объяснялось просто: она стояла рядом и потому слышала их лучше всего.

Всё складывалось.

Почти.

Марина вернулась в спальню и взяла тетрадь. На этот раз она листала её медленно, внимательно, не пропуская ни одной страницы.

Большинство записей были совершенно обыкновенными.

Купить хлеб, молоко, масло.

Позвонить Свете.

Оплатить отопление.

Марина обещала приехать.

Последняя запись повторялась несколько раз. Иногда бабушка ставила рядом дату, иногда только подчёркивала слова.

На странице от второго октября было написано:

Спросить у Марины, помнит ли она девочку.

Марина нахмурилась.

Какую девочку?

Она перебрала в памяти школьных подруг, соседских детей, дальних родственников. Ничего не приходило в голову. В детстве она дружила с Ленкой из соседнего подъезда, играла во дворе с двумя мальчиками из третьего этажа и однажды чуть не утонула в городском пруду, когда полезла за мячом. Бабушка тогда неделю не разговаривала с ней, а потом заставила переписать на бумагу правила безопасности у воды.

Но никакой девочки, о которой стоило бы отдельно спрашивать спустя двадцать лет, она не помнила.

Марина перевернула страницу.

Не рассказывать ей про подвал.

Следующая запись была сделана уже другим числом.

Если спросит — сказать, что перепутала.

А потом, крупными буквами, почти на всю ширину листа:

ОНА НЕ ДОЛЖНА ВСПОМНИТЬ.

Марина медленно закрыла тетрадь.

На улице за окном кто-то засмеялся. Потом хлопнула дверь машины, залаяла собака. Обычные звуки двора, в котором люди занимались своими делами и совершенно не подозревали, что в квартире на пятом этаже женщина сидит на кровати и пытается понять, что именно бабушка хотела скрыть от неё.

Марина положила тетрадь рядом с фотографиями.

Потом встала, прошла на кухню и налила себе воды. Стакан дрожал в руке, и она разозлилась на себя за это. Она не была впечатлительной. В детстве боялась темноты, но давно перестала. Не верила в привидения, не читала гороскопы и всегда считала, что люди склонны приписывать необъяснимое тому, чему просто не нашли объяснения.

И всё же бабушкины записи не давали ей покоя.

Не из-за их содержания.

Из-за почерка.

Анна Павловна была человеком аккуратным. Даже когда писала быстро, буквы оставались ровными. Здесь же строки местами уходили вверх, местами падали вниз, а некоторые слова были написаны так сильно, что ручка продавала бумагу.

Так писали не от скуки.

Так писали, когда боялись забыть.

Марина поставила стакан на стол и достала телефон.

Она открыла поиск по переписке с бабушкой и ввела слово «девочка».

Ничего.

Попробовала «подвал».

Тоже ничего.

Потом набрала «Лесная».

Нашлось несколько старых сообщений о том, что во дворе меняли трубы, отключали горячую воду и однажды ночью кто-то разбил стекло в подъезде.

Марина уже собиралась закрыть переписку, когда заметила сообщение, отправленное почти три года назад.

Бабушка, ты почему не открыла вчера? Я полчаса стояла под дверью.

Ответ пришёл через несколько минут.

Я спала, Мариш.

Марина помнила тот вечер. Она возвращалась с работы, решила заехать к бабушке без предупреждения, привезла ей лекарства и пакет яблок. Позвонила в дверь несколько раз, постояла, послушала, потом ушла. Ничего особенного.

Но следом было ещё одно сообщение.

В следующий раз позвони заранее.

Марина перечитала его.

Потом открыла фотографию, которую отправила бабушке в тот же вечер: пакет с яблоками на пассажирском сиденье машины. Подпись гласила: «Ну ладно, оставлю у двери, раз ты не открываешь».

И последнее сообщение от бабушки:

Не надо было оставлять.

Марина почувствовала, как по спине медленно прошёл холодок.

Она не помнила, чтобы бабушка когда-нибудь объясняла эту фразу. Тогда она решила, что та просто ворчит: не любит, когда продукты оставляют в подъезде.

Но теперь ей вдруг захотелось узнать, что именно бабушка имела в виду.

Марина набрала номер.

После первого гудка ей показалось, что телефон сейчас ответит голосом умершей женщины. После второго она сама испугалась собственной мысли и сбросила вызов.

— Да что со мной сегодня...

Она положила телефон на стол и подошла к окну.

Во дворе было пусто. Женщины с лавочки ушли, коляску кто-то убрал, а на асфальте остались только тёмные пятна талой воды. В окнах соседнего дома зажегся свет. На пятом этаже напротив стоял мужчина в майке и курил, опираясь локтями на подоконник.

Марина посмотрела на него и вдруг вспомнила, что бабушка не любила, когда она подходила к окну вечером.

«Отойди от стекла», — говорила она.

«Почему?»

«Потому что я сказала».

«Тебе что, жалко, что ли?»

«Марина».

И всё. Одно имя, произнесённое таким тоном, что спорить становилось невозможно.

Марина тогда обижалась, отходила от окна и потом специально возвращалась, когда бабушка уходила на кухню. Никаких последствий не было. Она не падала, не разбивала стекло, не видела никого на улице.

И постепенно забыла об этом запрете.

Она отступила от окна.

На кухне что-то тихо щёлкнуло.

Марина обернулась.

Старые часы над холодильником показывали 14:52. Секундная стрелка двигалась, но каждый раз, доходя до двенадцати, будто задерживалась на долю секунды.

Она подошла ближе.

Часы были дешёвые, пластиковые, с изображением яблок на циферблате. Марина сама подарила их бабушке лет десять назад, потому что прежние перестали работать. Тогда бабушка сказала, что яблоки на часах — это «совершенно бессмысленная вещь», но всё равно повесила их на стену.

Марина сняла часы с гвоздя и перевернула.

На задней крышке стояла дата производства.

2016 год.

Она постучала по корпусу, покрутила регулятор, вернула часы на место.

Щелчок повторился.

Потом из коридора донёсся звук, похожий на скрип двери.

Марина замерла.

Она точно помнила, что закрыла дверь спальни. Но сейчас та была приоткрыта примерно на ладонь.

В проёме было темно.

— Эй?

Никакого ответа.

Марина взяла со стола телефон, включила фонарик и направила свет в коридор.

Пусто.

Она подошла к спальне, толкнула дверь и заглянула внутрь. Кровать, шкаф, комод, коробка с фотографиями. Всё на своих местах.

Только тетрадь лежала на полу.

Марина остановилась на пороге.

Она помнила, как положила её рядом с фотографиями. Помнила совершенно отчётливо: сначала закрыла тетрадь, затем положила её на кровать, потом пошла на кухню.

В комнате не было открытого окна. Сквозняку взяться было неоткуда.

Марина медленно наклонилась и подняла тетрадь.

На раскрытой странице стояла запись, которой она раньше не видела.

Если Марина вернётся, не пускать её вниз.

Чернила были тёмными, почти чёрными. Почерк — бабушкин.

Марина провела пальцем по строке.

Бумага была сухой.

Она перевернула страницу, потом следующую. Никаких продолжений. Только старые записи о расходах, лекарствах и покупках.

Она снова посмотрела на фразу.

«Не пускать её вниз».

Вниз куда?

На улицу? В подвал? По лестнице?

Марина почувствовала, что начинает злиться. Страх был неприятен сам по себе, но ещё хуже было то, что она не понимала, чего именно боится. Она не любила ситуации, в которых не могла составить план действий. И уж точно не собиралась сидеть в бабушкиной квартире и ждать, пока очередной предмет переместится сам собой.

Она убрала тетрадь в сумку.

Затем решила осмотреть квартиру целиком, от входной двери до балкона. Не потому, что верила в какие-то странности. Просто хотела убедиться, что нигде не протекает труба, не открыта форточка и не осталось включённых электроприборов.

В гостиной она проверила окно, подоконник и батарею. В ванной открыла кран, посмотрела, не капает ли вода. В кладовке обнаружила несколько банок с крупой, коробку старых инструментов и складной стул.

Наконец дошла до двери, которую в детстве всегда считала дверью в шкаф.

Она находилась между кухней и коридором, узкая, выкрашенная в тот же цвет, что и стены. Ручка была латунная, потемневшая от времени. Марина помнила, что за ней стояли банки, старые чемоданы и пылесос, который бабушка называла «агрегатом».

Она потянула за ручку.

Дверь не открылась.

Марина попробовала ещё раз, сильнее.

Что-то внутри глухо стукнуло.

Она отступила и посмотрела на замок.

Его не было.

Вместо замочной скважины в металле виднелась маленькая круглая заглушка, окрашенная в цвет двери.

Марина нахмурилась.

— Ты что, заколотила её?

Она обошла дверь, осмотрела петли. Старые, но крепкие. На краске возле ручки были заметны следы, будто кто-то много раз пытался открыть дверь, а потом перестал.

Марина достала связку ключей.

Тот длинный плоский ключ, который она раньше считала каким-то старым инструментом, неожиданно подошёл к узкому отверстию под ручкой.

Она вставила его и повернула.

Раздался сухой щелчок.

Дверь приоткрылась на несколько сантиметров.

Из щели потянуло холодом и запахом сырого бетона.

Марина замерла.

За дверью не было видно полок, чемоданов или пылесоса. Только темнота и узкая полоска пола, уходившая куда-то в сторону.

Она включила фонарик на телефоне и направила свет внутрь.

Луч выхватил из темноты бетонную ступень.

Потом ещё одну.

Лестница.

Марина стояла перед открытой дверью и не могла понять, почему в её памяти не было никакой лестницы.

Квартира находилась на пятом этаже.

За этой дверью не могло быть лестницы, ведущей вниз, — по крайней мере, не такой, которая начиналась прямо за стеной кухни.

Она посветила глубже.

Ступени уходили вниз, поворачивали направо и исчезали в темноте. Стены были покрыты серыми потёками. На одной из них виднелась тонкая красная линия, похожая на след от краски.

Марина отступила.

Потом снова подошла к двери.

— Нет, — сказала она вслух.

Это было единственное слово, которое пришло ей в голову.

Она закрыла дверь, повернула ключ и вытащила его из замка. Потом проверила ручку. Дверь не двигалась.

Марина постояла ещё несколько секунд, прислушиваясь.

Ни звука.

Она вернулась в спальню, взяла пальто и сумку. Документы можно было забрать завтра. Похоронами займутся специалисты, врач уже сказала, что нужно сделать. Сейчас ей хотелось только выйти из квартиры и оказаться там, где всё объясняется обычными причинами.

У входной двери она обулась, застегнула пальто и достала телефон.

На экране было 15:17.

Она набрала номер тёти Светы.

— Слушай, ты знаешь, что у бабушки в квартире есть дверь на лестницу?

— Какая дверь?

— Между кухней и коридором. Там, где раньше была кладовка.

Тётя Света долго молчала.

— Марин, о чём ты говоришь?

— Там лестница. Настоящая. Бетонная. Вниз.

— Ты выпила что-нибудь?

— Что?

— Ты слышишь, что я говорю? Ты сегодня вообще ела?

Марина стиснула телефон.

— Я не пила и не собираюсь с тобой спорить. Я спрашиваю, ты знала об этой двери?

— Нет, — ответила тётя Света. — Никакой двери там нет.

— Я только что её открыла.

— Марина, послушай меня внимательно. Ты сегодня устала, у тебя стресс. Не надо сейчас ничего трогать. Закрой квартиру и поезжай домой. Завтра разберёмся.

— Ты можешь просто приехать?

— Я не могу.

Марина закрыла глаза.

— Хорошо.

Она отключилась.

Потом повернула ключ в замке, открыла дверь и вышла на лестничную площадку.

В подъезде было тихо. Лампочка под потолком горела ровно. На стене у почтовых ящиков по-прежнему висела реклама доставки суши.

Марина заперла квартиру и направилась к лестнице.

Спускаясь, она машинально считала ступени.

На первом пролёте получилось двенадцать.

На втором — одиннадцать.

Она остановилась.

В детстве бабушка запрещала ей считать ступени.
Марина не помнила почему.
Она посмотрела вниз, туда, где лестница поворачивала к выходу.
Потом медленно подняла ногу и поставила её на следующую ступень.
И начала считать заново.
Один.
Два.
Три.
На двенадцатой ступени она остановилась.
Потому что ниже, на площадке между этажами, стояла маленькая девочка в светлом платье.
Девочка смотрела на неё снизу вверх.
В руках она держала синюю папку.
— Ты долго, — сказала она.
Марина не смогла ответить.
Девочка вздохнула, словно Марина опять опоздала на что-то важное, и протянула ей папку.
— Бабушка сказала, что ты всё равно вернёшься.
Затем повернулась и пошла вниз.
Марина увидела, как белые носки исчезли за поворотом лестницы.
Она бросилась следом.
Но площадка оказалась пустой.
Только на полу, возле стены, лежал лист бумаги.
Марина подняла его.
Это была старая фотография.
На ней стояли две девочки: одна лет восьми, с короткой стрижкой и огромным бантом, другая — чуть младше, с длинными светлыми волосами.
Первая была Марина.
Вторая — девочка, которую она никогда не видела.
На обратной стороне бабушкиным почерком было написано:
«Марина и Аня. Лето 2007 года».
Марина перевернула фотографию.
На лицевой стороне, прямо между двумя девочками, кто-то выцарапал маленькую цифру.
6.

Глава вторая. Девочка на фотографии

Марина ещё долго стояла на лестничной площадке, держа фотографию за самые края.

Сначала ей хотелось спуститься следом за девочкой. Не потому, что она надеялась её догнать, а потому, что иначе пришлось бы признать: она только что увидела нечто, чему не могла найти объяснения. Пока девочка оставалась где-то ниже, за поворотом лестницы, всё происходящее ещё можно было считать странным недоразумением, которое вот-вот разрешится.

Но за поворотом никого не было.

Марина проверила ещё раз. Спустилась на несколько ступеней, заглянула вниз, прислушалась. В подъезде стояла обычная дневная тишина, нарушаемая лишь далёким гудением лифта в соседнем доме и чьим-то телевизором за стеной.

Девочка исчезла.

Она посмотрела на фотографию.

Бумага была плотной, чуть пожелтевшей по краям. На лицевой стороне две девочки стояли возле деревянного забора, за которым виднелись кусты смородины. Марина узнала собственную футболку — белую, с красным клубничным рисунком. Мать купила её на распродаже, и Марина тогда долго отказывалась носить что-либо другое, потому что ей нравилось, как клубнички выглядели на солнце.

Волосы были коротко подстрижены. На голове красовался огромный бант, который бабушка завязывала так туго, что к вечеру у Марины болела кожа. Она помнила этот бант. Помнила и забор. Кажется, он стоял возле дачи, куда её несколько раз возили летом.

А вот девочку рядом она не помнила.

Марина перевернула фотографию.

Марина и Аня. Лето 2007 года.

Почерк был несомненно бабушкин. Буква «М» с длинным первым штрихом, наклонённая вправо «я», цифра семь, перечёркнутая короткой чертой. Марина видела этот почерк всю жизнь: на открытках, записках в школьном рюкзаке, этикетках банок с вареньем.

Она снова посмотрела на девочку.

Та была чуть ниже Марины, худенькая, с тонкими руками и серьёзным лицом. Волосы падали на плечи, закрывая одно ухо. Она не улыбалась, но и не выглядела испуганной. Скорее так, будто фотографирование было её обязанностью и она просто ждала, когда всё закончится.

На обороте фотографии было указано имя.

Аня.

Марина попробовала произнести его вслух.

— Аня.

Имя показалось знакомым.

Не потому, что она помнила девочку, а потому, что слышала его раньше. Возможно, в детстве. Возможно, от бабушки. Оно лежало где-то на краю памяти, как слово, которое никак не удаётся вспомнить, хотя ты уверен, что знаешь его.

Марина достала телефон и сфотографировала снимок с обеих сторон. Потом убрала фотографию в карман пальто.

Она решила спуститься до первого этажа и выйти на улицу. Ей требовалось несколько минут на свежем воздухе. После этого она собиралась вызвать такси, уехать домой и попытаться разобраться во всём уже там, в нормальной обстановке.

Она сделала шаг вниз.

Потом ещё один.

На следующей площадке остановилась.

У стены стояла старая деревянная тумбочка, которую Марина никогда раньше не замечала. Небольшая, с двумя ящиками и облупившейся краской. На ней лежал пустой стакан из-под сметаны, а рядом — связка ключей.

Марина нахмурилась.

Тумбочка выглядела так, словно простояла здесь много лет. На верхней крышке виднелся круглый след от горячей кружки, на нижнем ящике не хватало ручки. Она даже узнала характерную трещину на правом углу — точно такую же когда-то видела на мебели у бабушки.

Марина наклонилась.

На стене над тумбочкой висела табличка.

ЭТАЖ 6.

Она выпрямилась так резко, что ударилась затылком о перила.

— Да что за...

Слова оборвались.

Марина посмотрела вверх. Лестница уходила к пятому этажу, где находилась бабушкина квартира. Ниже, под ногами, виднелся пролёт к четвёртому. Всё было на своих местах.

Кроме таблички.

Она подошла ближе и провела пальцем по цифре. Металл оказался холодным, покрытым тонким слоем пыли. Табличка была настоящей. Не наклейка, не чья-то шутка, не рисунок на стене.

Марина обернулась, посмотрела на площадку и снова вниз.

Потом достала телефон и сделала снимок.

Экран на секунду мигнул. Камера открылась, но вместо фотографии на дисплее появилось размытое серое изображение. Марина нажала кнопку ещё раз.

На этот раз телефон сфокусировался.

На экране была обычная лестничная площадка. Тумбочка. Стакан. Связка ключей.

Но таблички не было.

Марина опустила телефон и посмотрела на стену.

Табличка висела на месте.

Она снова подняла телефон.

На фотографии — пустая стена.

Марина убрала телефон в карман.

Ей хотелось рассмеяться, но смех не получался. Она чувствовала себя человеком, который случайно зашёл не в ту дверь и теперь боится признаться даже самому себе, что не знает, как вернуться.

Снизу послышался звук открывающейся двери.

Марина вздрогнула.

— Кто там? — крикнула она.

В ответ раздался женский голос:

— Кто-кто. Соседи.

По лестнице поднималась женщина с двумя тяжёлыми сумками. На ней была тёмно-синяя куртка, вязаная шапка и резиновые сапоги, которые громко шлёпали по ступеням. Марина узнала её ещё до того, как женщина появилась на площадке.

Нина Петровна.

Соседка с третьего этажа, которая знала, кто когда приехал, кто с кем поссорился, кто купил новую машину и кто в прошлом месяце получил повестку из военкомата. В детстве Марина её побаивалась. Нина Петровна умела смотреть так, словно видела не только то, что ты сделал, но и то, о чём ты собирался подумать.

— О, Маринка! — женщина остановилась, тяжело дыша. — Ты чего тут стоишь? Заблудилась?

— Здравствуйте.

— Здравствуй, здравствуй. А я смотрю, дверь у Анны Павловны закрыта. Ты к ней? Марина помедлила.

— Я уже была у неё.

Нина Петровна перестала улыбаться.

— Знаю.

Она поставила сумки на пол и вытерла ладонью лоб.

— Мне вчера вечером звонили. Сказали, что ночью плохо ей стало. Я думала, до утра дотянет. А оно вот как вышло.

— Вы были с ней знакомы?

Женщина посмотрела на Марину так, словно та спросила, знакомы ли они с собственным отражением.

— Девочка, мы сорок лет в одном подъезде живём. Конечно, знакомы.

— Простите. Я не это имела в виду.

— А что ты имела в виду?

Марина не ответила.

Нина Петровна подняла сумки и пошла дальше. На следующей ступени остановилась и обернулась.

— Ты одна приехала?

— Да.

— А Света где?

— Не смогла.

Женщина хмыкнула.

— Ну, это на неё похоже.

Она поднялась ещё на две ступени, потом вдруг спросила:

— Ты чего вниз не идёшь?

Марина посмотрела на табличку.

— А что?

— Стоишь как вкопанная.

— Да так. Задумалась.

Нина Петровна проследила за её взглядом. Несколько секунд она смотрела на стену, затем перевела глаза на Марину.

— Ты чего там увидела?

Марина почувствовала, что сердце снова забилося быстрее.

— Ничего.

— Ну и хорошо.

Женщина произнесла это слишком быстро.

Она подхватила сумки и продолжила подниматься. Марина осталась на площадке, наблюдая, как соседка исчезает за поворотом лестницы.

Перед тем как скрыться, Нина Петровна обернулась в последний раз.

— Марин, — позвала она.

— Да?

— Ты ведь не помнишь, что здесь было раньше?

Марина нахмурилась.

— Где?

— Да так. Забудь.

И женщина ушла.

Марина ещё несколько секунд смотрела ей вслед, потом резко развернулась и спустилась на первый этаж.

На этот раз никаких табличек не было. Обычные пролёты, обычные стены, обычные двери. На первом этаже кто-то оставил у почтовых ящиков пакет с пустыми бутылками, а на подоконнике лежала чья-то перчатка.

Она вышла на улицу.

Холодный воздух ударил в лицо, и Марина наконец смогла сделать глубокий вдох.

Она не поехала домой.

Вместо этого вызвала такси до ближайшей кофейни, расположенной на углу Лесной и Центральной. Там было тепло, пахло выпечкой и молотым кофе. За стойкой работала девушка с розовыми прядями в волосах, которая несколько раз повторила заказ, прежде чем поняла, что Марина хочет обычный американо без сахара.

Марина села за столик у окна, сняла пальто и достала телефон.

Первым делом она позвонила тётке Свете.

Та ответила после четвёртого гудка.

— Ну что ещё?

— Мне нужно кое-что спросить.

— Марин, я же сказала, что перезвоню.

— Ты помнишь девочку по имени Аня?

На том конце провода стало тихо.

Марина посмотрела на экран. Связь не оборвалась.

— Какую Аню? — наконец спросила тётя.

— Не знаю. Маленькую. Мы с ней вроде бы фотографировались у бабушки на даче.

Летом, в 2007 году.

— Ты о чём вообще?

— Я нашла фотографию.

Тётя Света вздохнула.

— Ну и что? У тебя в детстве было полно подруг.

— Она не похожа на моих подруг.

— Марина, откуда я знаю? Я не помню всех детей, с которыми ты играла.

— Ты помнишь, чтобы у бабушки была какая-нибудь Аня?

Пауза.

На фоне что-то зашумело, потом послышался звук закрывающегося шкафа.

— Нет, — ответила тётя. — Не помню.

Марина взяла чашку, но кофе оказался слишком горячим. Она поставила её обратно.

— А если я скажу, что на фотографии мы стоим рядом, как будто дружим?

— Я скажу, что ты слишком много думаешь.

— Света.

— Что?

— Ты сейчас врёшь?

Тётя Света резко вдохнула.

— Ты с ума сошла? Зачем мне тебе врать?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

— Послушай меня, — голос тётки стал жёстким. — У тебя умерла бабушка. Ты не спала, нервничаешь, лезешь в старые вещи. Сейчас тебе кажется, что всё имеет какой-то особый смысл. Но это не так. Понимаешь?

Марина молчала.

— Фотографию оставь себе, — продолжила тётя. — Потом посмотришь. И не надо сейчас никому звонить, ничего выяснять. Особенно соседям.

— Почему?

— Потому что они любят поговорить. Скажут тебе что-нибудь, а ты потом неделю спать не будешь.

— Ты знаешь, что случилось с этой девочкой?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Марина почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Тогда почему ты так реагируешь?

— Как я реагирую?

— Ты боишься.

— Марина, прекрати.

— Света, я просто хочу понять...

— Я сказала, прекрати!

Голос тётки сорвался на крик. Несколько человек за соседними столиками обернулись. Марина опустила глаза и почувствовала, как к щекам приливает кровь.

На том конце провода тётя тяжело дышала.

Потом заговорила тише:

— Прости. Я не хотела кричать.

Марина ничего не ответила.

— Просто оставь это, хорошо? Есть вещи, которые лучше не трогать.

— Какие вещи?

— Марина...

— Нет. Ты сама сказала, что ничего не знаешь. Тогда что мне оставлять?

Тётя Света долго молчала.

— Позвони мне вечером, — сказала она наконец. — Не сейчас.

И отключилась.

Марина положила телефон на стол.

Кофе остыл. На поверхности появилась тонкая коричневая плёнка, и она машинально провела ложечкой по краю чашки. Звук получился неприятным, металлическим.

Она посмотрела в окно.

На противоположной стороне улицы стояла девочка.

Светлые волосы, светлое платье, белые носки.

Марина резко повернулась к стеклу.

Девочка смотрела прямо на неё.

Потом подняла руку и показала на что-то за спиной Марины.

Марина обернулась.

За её столиком никого не было. Только пустой стул и оставленная на подоконнике салфетка.

Когда она снова посмотрела в окно, девочка исчезла.

Марина вскочила так резко, что стул с грохотом отъехал назад.

— Девушка, у вас всё в порядке? — спросила бариста.

Марина огляделась.

Люди за столиками смотрели на неё с любопытством. Кто-то улыбался, кто-то снова уткнулся в телефон.

— Да, — ответила Марина. — Извините.

Она быстро надела пальто, сунула телефон в карман и вышла на улицу.

Девочки нигде не было.

Домой Марина вернулась около пяти вечера.

Она долго стояла у входной двери собственной квартиры, не решаясь вставить ключ в замок. Ей казалось, что стоит переступить порог, как все странности сегодняшнего дня станут

частью её жизни. Пока она находилась снаружи, всё ещё можно было списать на усталость, стресс и случайные совпадения.

Но она не могла оставаться в кофейне до ночи.

Марина открыла дверь.

В квартире пахло стиральным порошком и вчерашним ужином. На кухне стояла грязная тарелка, возле дивана валялись носки, а на подоконнике лежал пульт от телевизора. Обычный беспорядок, который она собиралась убрать ещё вчера.

Она сняла пальто, включила свет и прошла в ванную.

Умылась холодной водой, посмотрела на себя в зеркало.

Лицо было бледным. Под глазами залегли тени, волосы растрепались от ветра. Она выглядела так, словно действительно провела весь день в каком-то кошмаре.

Марина вытерла лицо полотенцем.

— Ты просто устала.

Сказала это вслух, чтобы услышать собственный голос.

Потом достала из кармана фотографию и положила на стол.

Девочки смотрели на неё с пожелтевшей бумаги.

Марина села напротив, подперла подбородок рукой и попыталась вспомнить.

Лето 2007 года.

Ей было восемь лет. Она ходила во второй класс, жила с родителями в двухкомнатной квартире на улице Мира и каждое лето ездила к бабушке. В то время отец ещё работал водителем, мать — в бухгалтерии. Они часто ссорились, но Марина тогда думала, что взрослые всегда так разговаривают.

На даче у бабушки были грядки, теплица и старый колодец, которым никто не пользовался. По вечерам она играла во дворе с соседскими детьми, пока бабушка не звала её домой.

Марина помнила многое.

Как однажды разбила колено, упав с велосипеда.

Как бабушка варила варенье из чёрной смородины и разрешала слизывать пенку с ложки.

Как соседский мальчик Костя спрятал её любимую куклу в сарае, а потом сам же помогал искать.

Но Аню она не помнила.

Она взяла телефон и открыла галерею. Среди старых фотографий нашла несколько снимков с дачи. На одном стояла бабушка возле теплицы. На другом Марина сидела на крыльце с пластмассовым ведёрком. На третьем отец жарил шашлык, отвернувшись от камеры.

Марина увеличила снимок.

На заднем плане, возле забора, стояла девочка.

Светлые волосы. Светлая футболка. Тёмная юбка.

Марина почувствовала, как холодеют пальцы.

Она пролистала ещё несколько фотографий.

Девочка появлялась снова.

То возле теплицы, то у колодца, то на крыльце, где Марина сидела с ведёрком. На некоторых снимках она смотрела в камеру. На других отворачивалась.

Марина открыла свойства файлов.

Все фотографии были сделаны в июле 2007 года.

Она не помнила, кто их снимал. Вероятно, отец. Но почему на всех снимках была одна и та же девочка?

Марина позвонила матери.

Та ответила почти сразу.

— Привет, доча. Ты чего так рано? Что-то случилось?

Марина посмотрела на фотографию.

— Мам, ты помнишь, как я в детстве ездила к бабушке на дачу?

— Конечно. А что?

— Ты помнишь девочку по имени Аня?

Мать помолчала.

— Какую девочку?

— Мы с ней играли. Или... я не знаю. Я нашла фотографии.

— Покажи.

Марина отправила снимок.

Несколько секунд сообщение оставалось непрочитанным. Потом появились две галочки.

Мать написала:

Это кто?

Марина почувствовала, как внутри всё сжалось.

Я думала, ты знаешь.

Ответ пришёл почти сразу.

Я никогда её не видела.

Марина посмотрела на экран.

Но она на всех фотографиях.

Мать не отвечала.

Прошла минута. Потом ещё одна.

Наконец телефон зазвонил.

— Марина, — сказала мать без приветствия. — Ты сейчас где?

— Дома.

— Ты одна?

— Да. Мам, что происходит?

Мать тяжело вздохнула.

— Послушай меня внимательно. Ты сегодня была у бабушки?

— Да.

— Ты что-нибудь там нашла?

Марина посмотрела на фотографию, лежавшую на столе.

— Да. Тетрадь. Старые записи.

— Какие записи?

— Мам, ты можешь сначала ответить на мой вопрос? Ты знаешь эту девочку?

На том конце провода стало тихо.

Марина услышала, как мать куда-то отошла. Потом хлопнула дверь, и её голос стал глуше.

— Я не знаю, кто это, — сказала она. — Но тебе нужно перестать копаться в старых фотографиях.

— Почему?

— Потому что это ничего не изменит.

— Что не изменит?

— Марина, пожалуйста.

В голосе матери появилось что-то такое, чего Марина не слышала уже много лет. Не раздражение, не усталость, не желание поскорее закончить разговор.

Страх.

— Ты помнишь лето 2007 года? — спросила Марина.

— Да.

— Что тогда произошло?

Мать долго молчала.

Потом сказала:

— Ты была маленькая. Ты многого не понимала.

— А сейчас я должна понять?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты вспоминала.

Марина закрыла глаза.

— Что вспоминала?

Мать не ответила.

И тогда Марина услышала за спиной тихий звук.

Тук.

Тук.

Тук.

Она обернулась.

Входная дверь была закрыта. Коридор пустовал. Но стук повторился — на этот раз отчётливее, будто кто-то стоял прямо за дверью и терпеливо ждал.

Марина прижала телефон к уху.

— Мам, ты слышишь?

— Что?

— Кто-то стучит.

— Не открывай.

Марина замерла.

— Что?

— Марина, не открывай дверь.

Стук прекратился.

В квартире стало тихо.

Марина медленно повернулась к входной двери.

— Мам, откуда ты знаешь?

Мать не ответила.

Потом сказала едва слышно:

— Потому что в тот раз ты тоже открыла.

Связь оборвалась.

Марина стояла посреди комнаты, не двигаясь.

На столе лежала фотография двух девочек.

Она посмотрела на неё и впервые заметила то, чего раньше не видела.

На заднем плане, за деревянным забором, стоял дом.

Не дачный дом бабушки. Другой.

Пятиэтажный, с облупившейся краской и узкими окнами.

Тот самый дом на улице Лесной.

А на одном из окон пятого этажа кто-то стоял.

Маленькая девочка в светлом платье.

Она смотрела прямо в объектив.

И улыбалась.

Марина увеличила фотографию так сильно, что изображение распалось на крупные квадраты.

Окно пятого этажа находилось почти у самого края снимка. За стеклом действительно угадывалось лицо. Маленькое, бледное пятно с двумя тёмными точками вместо глаз и чем-то похожим на улыбку.

Она уменьшила изображение, затем снова увеличила. Попробовала изменить яркость, включила чёрно-белый фильтр, открыла фотографию в другом приложении.

Ничего не менялось.

Лицо оставалось на месте.

Марина отложила телефон и потёрла глаза. Они болели от экрана, а в висках начинало пульсировать. Она не ела с утра ничего, кроме половины печенья в кофейне. Неудивительно, что голова кружилась и любое пятно на старой фотографии могло показаться чем угодно.

Она встала, нашла в холодильнике остатки вчерашней курицы и поставила сковороду на плиту.

Пока еда разогревалась, Марина позвонила бывшему мужу.

Не потому, что он мог ей помочь. Просто за последние несколько лет он оставался одним из немногих людей, которым она могла сказать что-то совершенно нелепое и не получить в ответ немедленного совета сходить к врачу.

Они развелись спокойно, без измен и громких скандалов. Просто однажды выяснилось, что жить вместе они умеют, а вот жить друг с другом — уже не очень. После развода ещё несколько месяцев переписывались по бытовым вопросам, потом стали поздравлять друг друга с праздниками, а затем и это сошло на нет.

Андрей ответил не сразу.

— Привет. Что случилось?

— Ты занят?

— Немного. Я в магазине. Что-то срочное?

Марина посмотрела на сковороду.

— Не знаю.

— В смысле?

— У меня умерла бабушка.

На другом конце стало тихо.

— Марин, я соболезнаю. Ты как?

— Нормально.

— Ты уверена?

— Нет.

Андрей не стал говорить, что всё будет хорошо. За это она всегда ценила его больше, чем следовало бы.

— Хочешь, приеду? — спросил он.

Марина задумалась.

Ей хотелось сказать «да». Хотелось, чтобы кто-нибудь сел рядом, налил чай и помог ей разобрать происходящее на отдельные, понятные части. Но объяснять всё с самого начала она не была готова.

— Не надо. Я просто хотела спросить, ты помнишь, я рассказывала тебе когда-нибудь про какую-нибудь девочку Аню? Из детства.

— Аню?

— Да.

— Нет. А что?

— Нашла старую фотографию. Мы с ней вместе.

— Ну и что странного?

Марина помолчала.

— Я её не помню.

— И?

— Она на всех фотографиях. А я вообще не помню, чтобы у меня была такая подруга.

Андрей вздохнул. На заднем плане кто-то попросил его подвинуть корзину.

— Марин, у меня в телефоне есть фотографии, на которых я не помню половину людей. Это нормально. Тебе было восемь лет. Ты могла играть с кем угодно.

— Она ещё и на фотографии возле бабушкиного дома. Там, на пятом этаже, в окне кто-то стоит.

— Какого дома?

— На Лесной.

— Подожди. Ты говоришь, что на фотографии с дачи на заднем плане виден дом на Лесной?

— Да.

— А дом точно там стоял?

Марина замолчала.

Она никогда не задумывалась об этом. На старых снимках задний план обычно не имел значения. Главное — люди, лица, жесты. Всё остальное было случайным фоном.

— Я не знаю, — сказала она. — Но он очень похож.

— Слушай, я не хочу показаться грубым, но ты сегодня, наверное, просто вымоталась. Съешь что-нибудь, поспи. Завтра посмотришь на всё свежим взглядом.

Марина посмотрела на сковороду. Курица начала пригорать.

— Ты тоже так думаешь?

— Как?

— Что я устала и мне мерещится.

— Я думаю, что у тебя умер близкий человек, и ты пытаешься найти объяснение тому, что сейчас чувствуешь. Это не значит, что ты сходишь с ума.

Она выключила плиту.

— Ладно.

— Если захочешь поговорить, звони.

— Хорошо.

Марина отключилась и села за стол.

Еда остыла, пока она разговаривала. Она съела несколько кусочков, не чувствуя вкуса, потом убрала тарелку в раковину и снова открыла фотографию.

Андрей был прав в одном: в восемь лет она могла забыть кого угодно. Дети заводят друзей на неделю, потом ссорятся, переезжают, меняют школы. Иногда спустя десять лет невозможно вспомнить даже имя человека, с которым когда-то проводил каждый день.

Но дело было не в этом.

Марина не просто забыла Аню.

Ей казалось, что она никогда не знала эту девочку.

И всё же на фотографии они стояли рядом, плечом к плечу. Марина даже слегка наклонилась к ней, как наклоняются к человеку, которого хорошо знают и которому доверяют.

Она увеличила снимок ещё раз.

На запястье Ани виднелась красная нитка. Простая, шерстяная, завязанная в два узла. Марина машинально посмотрела на собственную руку.

На левом запястье у неё остался тонкий белый шрам. Она получила его в детстве, когда разбила стеклянную банку на кухне. Бабушка долго промывала рану, ругалась и говорила, что теперь придётся зашивать, но в итоге всё обошлось.

Марина помнила этот день.

Она помнила кровь, полотенце, запах йода и то, как бабушка велела ей не смотреть на рану.

Но когда она попыталась вспомнить, что было до этого, память будто упёрлась в стену.

Как будто кто-то вырезал из её детства целый кусок, оставив только края.

Марина откинулась на спинку стула.

За окном стемнело. В соседнем доме включили телевизор, и на потолке её кухни замелькали голубоватые отсветы. Она услышала, как в коридоре кто-то прошёл по лестнице, потом хлопнула дверь.

Обычный вечер.

Она встала и включила свет во всей квартире.

Потом проверила замок входной двери.

Потом ещё раз.

И только после этого вернулась к столу.

На телефоне появилось уведомление.

Сообщение от тёти Светы.

Марин, не звони больше сегодня. Завтра поговорим.

Марина посмотрела на часы.

21:08.

Она набрала ответ:

Ты знаешь, кто такая Аня?

Сообщение было прочитано почти сразу.

Ответа не последовало.

Марина подождала минуту, потом ещё одну. В конце концов убрала телефон и пошла в душ.

Горячая вода немного помогла. Она стояла под струями, пока зеркало не запотело, и пыталась не думать о фотографиях, лестнице и бабушкиной тетради.

Когда вышла, телефон лежал на стиральной машине.

На экране было одно новое сообщение.

От тёти Светы.

Если найдёшь красную нитку, не выбрасывай.

Марина перечитала его несколько раз.

Потом позвонила.

Телефон тёти был выключен.

Ночью Марине приснился дом на Лесной.

Во сне она снова была маленькой, лет восьми, и стояла в подъезде босиком. На ней была белая футболка с клубничками и короткие джинсовые шорты. На ногах — ничего, хотя пол был ледяным.

Лестница уходила вверх и вниз. Лампочка под потолком мигала, как в старые времена, когда её приходилось включать и выключать несколько раз, прежде чем она начинала гореть нормально.

Марина держала в руке красную нитку.

Она была длинной, тонкой, почти невесомой. Нитка тянулась вниз, за поворот лестницы, где стояла девочка в светлом платье.

Аня.

Марина знала, что это Аня, хотя не видела её лица.

— Ты куда? — спросила Марина.

Девочка не ответила.

Она начала спускаться.

Марина пошла следом.

Они прошли первый этаж, второй, третий. На каждой площадке стояли люди, которых Марина не знала. Все они смотрели на неё, но никто не двигался. У кого-то в руках были пакеты с продуктами, кто-то держал на коленях ребёнка, кто-то стоял у стены в домашнем халате.

Никто не разговаривал.

Только считали.

— Один, — шепнул мужчина в майке.
— Два, — сказала женщина с авоськой.
— Три, — произнёс ребёнок, сидевший на ступеньке.

Марина хотела остановиться, но нитка натянулась.

Аня продолжала идти вниз.

На пятом этаже девочка обернулась.

У неё было лицо Марины.

Только глаза казались старше.

— Ты обещала, — сказала она.

Марина проснулась от собственного крика.

В комнате было темно. Сердце колотилось так сильно, что она чувствовала удары в горле.
Одеяло сбилось к ногам, подушка лежала на полу.

Она схватила телефон.

03:17.

Марина несколько секунд смотрела на цифры, пытаясь понять, почему они кажутся ей знакомыми.

Потом вспомнила бабушкину тетрадь.

Ночью опять ходили по лестнице. Слышно, как считают.

Она включила ночник.

Комната выглядела обычной. Шкаф, комод, кресло с брошенной одеждой. На подоконнике стоял стакан с водой, который она забыла убрать ещё вечером.

Марина встала, выпила воду и подошла к двери.

Из коридора доносился тихий звук.

Сначала она решила, что это холодильник. Потом поняла: кто-то шепчет.

Она открыла дверь.

В квартире никого не было.

Шёпот доносился из-за входной двери.

Марина подошла ближе.

— ...пять...

Голос был детским.

— ...шесть...

Она отступила.

— ...семь...

Шёпот замолк.

Марина стояла, прижав ладонь ко рту.

Через несколько секунд кто-то постучал.

Три раза.

Тук. Тук. Тук.

Она не двигалась.

— Марина? — позвала девочка.

Голос был тихим, почти ласковым.

— Ты ведь помнишь меня?

Марина закрыла глаза.

Ей хотелось ответить. Хотелось спросить, кто она, что ей нужно и почему все вокруг ведут себя так, словно знают что-то, чего не знают остальные.

Но она вспомнила слова бабушки.

Не отвечай, если услышишь, что тебя зовут из подъезда.

Марина отошла от двери.

Стук повторился.

— Марина, пожалуйста.
Голос стал тоньше.
— Мне холодно.
Марина зажала уши ладонями.
— Пожалуйста, — прошептала девочка. — Я же знаю, что ты дома.
Потом раздался звук, похожий на тихий плач.
Марина не выдержала.
— Кто ты?
Тишина.
Она убрала руки от ушей.
За дверью больше никто не плакал.
Вместо этого девочка ответила:
— Ты опять забыла.
И кто-то медленно провёл ногтем по дверному полотну.
От верхнего края до самого пола.
Марина отступила, не отрывая взгляда от двери.
Затем в квартире погас свет.
Утром она проснулась на диване в гостиной.
Не помнила, как туда перебралась. На полу валялся телефон, а на столе стоял стакан с водой, который она ночью оставила на подоконнике.
В квартире было холодно.
Марина поднялась, включила свет и сразу посмотрела на входную дверь.
На ней не было царапин.
Ни одной.
Она подошла ближе, провела ладонью по поверхности, осмотрела замок и ручку. Всё выглядело совершенно обычно.
Тогда она проверила телефон.
Время — 07:42.
Несколько пропущенных вызовов от тёти Светы. Одно сообщение от матери:
Позвони, как проснёшься.
И ещё одно уведомление, от незнакомого номера.
Марина, это Нина Петровна. Нам надо поговорить. Приходи сегодня к двенадцати. И не бери с собой фотографию.
Марина перечитала сообщение.
Потом открыла переписку с тётёй Светой и увидела, что ночное сообщение про красную нитку исчезло.
Она проверила ещё раз.
Ничего.
Только вчерашние сообщения о бабушкиной смерти и её собственные вопросы про Аню.
Марина долго сидела на диване, не двигаясь.
Потом поднялась, умылась, оделась и достала из сумки фотографию.
На обороте по-прежнему было написано:
«Марина и Аня. Лето 2007 года».
Она перевернула снимок.
Две девочки стояли у забора.
Марина — с огромным бантом и белой футболкой.
Аня — со светлыми волосами и красной ниткой на запястье.
Марина посмотрела на собственную руку.
Шрама не было.

Она резко опустила взгляд.

Шрам находился на левом запястье, как и всегда. Тонкая белая линия, почти незаметная при обычном освещении.

Но на фотографии у Марины на правой руке тоже была красная нитка.

Такая же, как у Ани.

Марина приблизила снимок.

Два узла.

Один свободный конец.

И маленькая цифра, выцарапанная между девочками.

Шесть.

Она вспомнила табличку на лестничной площадке.

Этаж 6.

Марина схватила телефон и набрала номер Нины Петровны.

Женщина ответила почти сразу.

— Да?

— Это Марина. Вы мне вчера сказали, что надо поговорить.

— Да.

— О чём?

Нина Петровна помолчала.

— Ты фотографию нашла?

Марина почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я её сама положила в тетрадь твоей бабушки.

Марина замерла.

— Что?

— Не по телефону, Марин. Приходи к двенадцати. Только одна.

— Зачем?

Нина Петровна тяжело вздохнула.

— Потому что ты должна знать, что случилось с Аней.

Она помолчала и добавила:

— И почему твоя бабушка всю жизнь боялась шестого этажа.

Затем отключилась.

Марина осталась сидеть на краю дивана, держа телефон в руке.

За окном начинался обычный северный день. Дворник скрёб лопатой асфальт, у соседнего подъезда курили двое мужчин, а на остановке толпились люди, ожидавшие автобус.

Всё выглядело так, будто ничего не произошло.

Но Марина уже знала: в полдень ей придётся вернуться в дом на Лесной.

И на этот раз она собиралась выяснить всё до конца.

До двенадцати оставалось больше четырёх часов, и Марина впервые за последние сутки обнаружила, что совершенно не знает, чем себя занять.

Обычно это не было проблемой. Даже в выходные у неё имелся список дел: купить продукты, забрать заказ, разобрать вещи после стирки, позвонить по работе, ответить на сообщения, которые она откладывала всю неделю. Если список заканчивался, можно было составить новый. Марина давно привыкла считать свободное время не отдыхом, а пространством, которое необходимо чем-нибудь заполнить, пока оно не начало заполнять тебя.

Сегодня ни один привычный пункт не казался важным.

Она открыла заметки в телефоне и написала:

Позвонить маме. Разобраться с фотографиями. Встретиться с Ниной Петровной. Узнать, что за шестой этаж. Забрать вещи из квартиры бабушки.

Последний пункт она добавила машинально, потом перечитала и удалила.

Ей не хотелось думать о квартире. Не сейчас.

Марина открыла банковское приложение, увидела несколько уведомлений об оплатах, закрыла его. Проверила рабочую почту — там лежало письмо, на которое требовалось ответить ещё вчера. Она даже начала печатать, но остановилась на приветствии. Невозможно было сосредоточиться на документе, когда в голове крутилась одна и та же фраза:

«Ты должна знать, что случилось с Аней».

Нина Петровна сказала это так, словно речь шла о давней семейной ссоре или о несчастном случае, о котором все предпочли забыть. В её голосе не было ни удивления, ни сомнения. Она не спрашивала, существует ли Аня. Не интересовалась, действительно ли Марина нашла фотографию.

Она знала.

И знала, что Марина придёт.

Марина взяла телефон и снова открыла вчерашние снимки.

Их было семь. Она сделала фотографии в квартире бабушки, на лестнице, в кофейне, дома. На двух снимках тетради записи были плохо видны из-за бликов. На одном фотография получилась слишком тёмной. Ещё один кадр показывал лестничную площадку, на которой, по её воспоминаниям, стояла табличка с цифрой шесть.

Она увеличила изображение.

Обычная стена. Серая краска, потёртость возле трубы, кусок старого объявления, приклеенный у выключателя.

Никакой таблички.

Марина переключилась на следующий кадр. Тот самый, который она сделала после встречи с Ниной Петровной.

На фотографии была только лестница.

Она пролистала дальше.

Вдруг заметила в углу одного снимка нечто странное.

На фотографии квартиры бабушки, сделанной наспех перед уходом, отражалась прихожая. В зеркале у входной двери виднелся край шкафа, вешалка с пальто и сама Марина, стоявшая с телефоном в руке.

За её плечом находился ещё один силуэт.

Марина нахмурилась и приблизила изображение.

Силуэт был маленьким. На уровне её локтя, чуть позади. Светлая одежда, длинные волосы.

Она отодвинула телефон от лица, затем снова приблизила.

Пиксели расплывались. Возможно, это была складка пальто на вешалке. Или отражение шторы из комнаты. Зеркало старое, с пятнами по краям, и свет падал под неудобным углом.

Марина переключила яркость на максимум.

Силуэт исчез.

Она вернула прежние настройки.

Он появился снова.

Марина медленно положила телефон на стол.

— Нет, — сказала она вслух.

Её собственный голос прозвучал слишком резко в пустой комнате.

— Нет. Всё. Хватит.

Она встала, открыла окно на кухне и впустила холодный воздух. С улицы донёсся запах сырой земли, бензина и чьих-то сигарет. Под окнами хлопнула дверь подъезда. Женщина с коляской остановилась у машины, долго пыталась сложить козырёк, потом с досадой дёрнула его обеими руками.

Марина смотрела на неё несколько минут.

Обычные люди. Обычные вещи. Мир, в котором зеркала отражают то, что перед ними стоит, а лестницы заканчиваются там, где заканчивается дом.

Она закрыла окно.

Потом позвонила матери.

Мать ответила на четвёртый гудок.

— Ты проснулась?

— Да.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Мам, нам нужно поговорить.

— Мы вчера разговаривали.

— Не обо всём.

Мать ничего не сказала. На заднем плане работал телевизор. Марина узнала голос ведущего, который каждое утро рассказывал о пробках, погоде и каких-то происшествиях в городе. Когда она была маленькой, мать включала этот канал во время уборки, а сама ходила по квартире с тряпкой, раздражённо переставляя вещи с места на место.

Марина вдруг ясно вспомнила кухню своего детства. Жёлтые занавески, пластиковую клеёнку с цветами, чашку с отколотой ручкой. На холодильнике висел календарь, а рядом — маленький магнит в виде собаки.

Она не могла сказать, сколько ей тогда было лет.

— Ты помнишь лето две тысячи седьмого? — спросила Марина.

— Конечно.

— Мы тогда ездили к бабушке на дачу?

— Да.

— Там была девочка Аня?

Мать тяжело вздохнула.

— Марина, мы уже говорили об этом.

— Нет. Ты сказала, что не знаешь её.

— Я сказала, что не помню.

— Но ты её знаешь?

— Что ты хочешь от меня услышать?

Марина сжала телефон.

— Правду.

— Ты думаешь, если я сейчас расскажу тебе какую-то историю, всё станет проще?

— Я не знаю, что станет проще. Я вообще ничего не понимаю.

— Тогда зачем ты себя мучаешь?

— Потому что бабушка умерла, оставила мне странную тетрадь, в которой написано, что я не должна что-то вспомнить. Потому что я нашла фотографии девочки, которую не помню. Потому что эта девочка вчера стояла передо мной на лестнице.

Последнее вырвалось неожиданно.

Марина замолчала.

Она не собиралась говорить матери о том, что увидела. Даже самой себе не хотела признаваться, насколько отчётливо помнила светлое платье, волосы, лицо, голос.

На другом конце провода было тихо.

— Где? — наконец спросила мать.

— В бабушкином доме.

— На лестнице?

— Да.

— Ты с ней разговаривала?

Марина почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

— Значит, ты понимаешь, о чём я говорю.

— Марина, послушай меня внимательно.

Мать говорила медленно, будто подбирала слова для человека, который плохо понимает русский язык.

— Сегодня ты никуда не пойдёшь.

— Почему?

— Потому что ты устала. Потому что ты не спала. Потому что после смерти бабушки тебе нужно время.

— Я иду к Нине Петровне.

Мать резко вдохнула.

— К кому?

— К Нине Петровне. Она живёт в том же доме. Ты её знаешь.

— Не ходи к ней.

— Почему?

— Потому что она не должна тебе ничего рассказывать.

Марина закрыла глаза.

Вот оно.

Ещё один человек, который знал больше, чем говорил.

— Что произошло с Аней?

— Ничего.

— Тогда почему все боятся произнести её имя?

— Никто не боится.

— Ты сейчас боишься.

— Марина...

— Мама, мне двадцать семь лет. Я не ребёнок. Ты не можешь просто сказать мне, что я устала, и ждать, что я забуду всё, что произошло.

Мать молчала.

Марина продолжила уже тише:

— Я не прошу тебя объяснить мне что-то мистическое. Я не прошу верить в привидений. Я хочу знать, кто эта девочка. Почему она была на наших фотографиях. Почему бабушка писала о ней в тетради. Почему тётя Света вчера прислала мне сообщение про красную нитку, а сегодня оно исчезло.

— Какую нитку?

— Красную. На фотографии у меня и у Ани одинаковые нитки на запястьях.

— Покажи мне снимок.

— Я уже отправляла.

— Отправь ещё раз.

Марина открыла переписку и переслала фотографию.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом сообщение было доставлено.

Мать не перезванивала.

Марина смотрела на экран, ожидая хотя бы короткого ответа. Прошла минута. Затем ещё одна.

Она уже решила, что мать отключила звук, когда телефон завибрировал.

Не трогай фотографию.

Марина перечитала сообщение.

Что это значит?

Ответ пришёл не сразу.

Я приеду.

Марина выпрямилась.

Когда?

Сегодня.

Зачем?

На этот раз мать ответила звонком.

— Ты должна отдать мне эту фотографию, — сказала она вместо приветствия.

— Зачем?

— Потому что она не должна оставаться у тебя.

— Почему?

— Марина, пожалуйста.

Это слово прозвучало непривычно. Мать редко просила. Обычно она сообщала, что необходимо сделать, и ожидала, что её услышат. Даже после развода Марины она не спрашивала, нужна ли помощь, а перечисляла, что дочь должна предпринять: проверить документы, сменить замки, составить список расходов, перестать сидеть дома.

Сейчас она просила.

— Ты ведь тоже была там, — сказала Марина. — Летом две тысячи седьмого.

— Да.

— Ты видела Аню?

Мать не ответила.

— Мам?

— Я видела тебя.

— Что?

— Я видела тебя, Марина. И этого было достаточно.

Марина нахмурилась.

— Я не понимаю.

— Тебе и не нужно было понимать.

— Мне было восемь лет. Что произошло?

— Я сказала, что приеду.

— Не меняй тему.

— Я не меняю тему.

— Ты уходишь от ответа!

Мать вдруг повысила голос:

— Потому что я не хочу снова через это проходить!

Марина отняла телефон от уха.

На другом конце послышалось тяжёлое дыхание. Потом какой-то скрип, словно мать передвинула стул.

— Прости, — сказала она спустя несколько секунд. — Я не должна была кричать.

Марина молчала.

— Я приеду сегодня, — повторила мать. — До моего приезда не ходи в тот дом.

— Я уже сказала, что иду к Нине Петровне.

— Тогда хотя бы не бери фотографию.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи нельзя показывать всем подряд.

— Ты говоришь так, будто фотография опасна.

— Я не знаю, опасна ли она сейчас.

Марина почувствовала, что разговор снова ускользает от неё.

— А раньше была опасна?

Мать ничего не ответила.

— Мам, ответь.

— Я перезвоню.

— Нет. Подожди.

Но связь уже оборвалась.

Марина ещё несколько секунд держала телефон у уха, слушая короткие гудки.

Затем открыла переписку.

Под фотографией стояла отметка о прочтении.

Мать просмотрела снимок.

И всё равно не ответила на главный вопрос.

В половине десятого Марина решила проверить, можно ли найти что-нибудь о доме на Лесной в интернете.

Она начала с адреса. Ввела улицу, номер дома, затем добавила слова «история», «старые фотографии», «архив».

Большинство результатов не имело отношения к делу. В городе было несколько улиц Лесных, а фотографии старых пятиэтажек редко сопровождались точными адресами. В местной группе нашлось объявление о продаже квартиры в соседнем доме и обсуждение ремонта дороги.

Марина открыла карту.

Дом был на месте. Пятиэтажный, с двумя подъездами, небольшим двором и гаражами за оградой. Она увеличила изображение, рассмотрела фасад. На крыше виднелись вентиляционные трубы, возле входа в первый подъезд стояли два мусорных контейнера.

Всё совпадало с тем, что она помнила.

Она переключилась на панораму улиц.

Съёмка была сделана несколько лет назад. Фасад выглядел иначе: не было свежей заплатки возле водосточной трубы, окна первого этажа были закрыты старыми деревянными рамами. Но дом узнавался сразу.

Марина переместилась к подъезду.

На панораме входная дверь была приоткрыта. Внутри виднелась часть лестничной клетки.

Она приблизила изображение.

На стене возле почтовых ящиков висел лист бумаги.

Слишком маленький, чтобы прочитать текст.

Марина сделала снимок экрана, затем попыталась найти исходную дату панорамы. Сервис показывал только год съёмки. Никаких старых архивов не предлагал.

Она попробовала другой сайт с фотографиями города. Там нашёлся снимок улицы Лесной, сделанный, судя по подписи, в начале двухтысячных. На переднем плане стоял автобус, за ним виднелся знакомый дом.

Марина увеличила фотографию.

На пятом этаже одного из окон была приоткрыта створка.

Ничего необычного.

Она уже собиралась закрыть страницу, когда заметила подпись под снимком:

«Улица Лесная. Район старой котельной. 2004 год. До реконструкции квартала».

Марина перечитала последнюю фразу.

До реконструкции.

Она открыла поиск и набрала: «Нижевартовск Лесная старая котельная реконструкция квартала».

Нашлось несколько новостных заметок о ремонте дорог, сносе гаражей и благоустройстве дворов. Ни одна не упоминала конкретный дом.

Марина попробовала искать по адресу без названия улицы. Затем — по названию ближайшего магазина, который помнила с детства. Магазин давно закрылся, но в старом справочнике сохранилась запись о предприятии, зарегистрированном по соседнему адресу.

Она открыла архивную карту района.

И остановилась.

На плане, датированном 1998 годом, дом на Лесной был обозначен прямоугольником с двумя подъездами. Рядом располагались котельная, складское помещение и небольшое строение, которое на современной карте отсутствовало.

Марина увеличила участок.

Возле прямоугольника дома стояла подпись: «Жилой дом № 17».

Она намурилась.

В документах, которые она видела в квартире бабушки, адрес был указан как улица Лесная, дом 17. Никаких сомнений в этом не было. Но номер квартиры — четырнадцать — тоже казался ей странным для пятиэтажки с двумя подъездами, хотя она никогда не пыталась разобраться в нумерации.

На плане квартиры были обозначены не цифрами, а маленькими квадратиками.

В первом подъезде — по четыре квартиры на этаже.

Во втором — тоже по четыре.

Марина пересчитала.

Если нумерация шла последовательно по всему дому, четырнадцатая квартира находилась бы на четвёртом этаже второго подъезда, а не на пятом.

Она приблизила план ещё сильнее.

Может быть, квартиры нумеровались иначе? Возможно, нумерация начиналась заново во втором подъезде? Или бабушкина квартира относилась к отдельной секции, не показанной на схеме?

Марина не была специалистом по старым жилым домам. Она не собиралась делать выводы на основании непонятной карты.

Но впервые за всё утро у неё появилась мысль, которая не касалась ни Ани, ни фотографии.

Она могла ошибаться даже в том, где именно находилась бабушкина квартира.

Марина откинулась на спинку стула.

Ей вспомнилось, как вчера она поднималась по лестнице. Первый этаж, второй, третий, четвёртый, пятый. Она была уверена, что квартира находится на пятом. Помнила дверь, коридор, окно на лестничной площадке. Помнила, как бабушка открывала замок, придерживая дверь плечом, потому что нижний угол цеплялся за пол.

Но когда Марина попыталась вспомнить номер квартиры на двери, в памяти возникла только металлическая табличка.

Цифры на ней были стёрты.

Она решила, что просто никогда не обращала на них внимания.

Ведь знала же, где живёт бабушка. Ездил к ней с детства. Не могла же она забыть такую простую вещь.

Марина снова посмотрела на карту.

На плане возле дома был отмечен ещё один объект — узкий прямоугольник, ушедший под землю. Рядом стояла подпись, которую сначала невозможно было прочитать из-за низкого разрешения.

Она увеличила изображение до предела.

«Тех. подпол. Вход со стороны лестничной клетки».

Марина перечитала фразу.

Технический подпол.

Не подвал. Не убежище. Не тайный этаж.

Обычное хозяйственное помещение, которое могло быть в любом старом доме.

Она почувствовала облегчение, почти раздражение на саму себя за то, что так долго накручивала себя из-за непонятной двери в квартире бабушки.

Возможно, всё имело простое объяснение. Старый дом, переделки, странная планировка, технические помещения. Аня могла быть девочкой, с которой Марина дружила в детстве. Родственники могли забыть о ней или не хотеть вспоминать несчастный случай.

А ночной стук...

Марина не стала додумывать.

Она закрыла карту и открыла фотографии, сделанные накануне.

Снимок лестничной клетки.

Снимок тетради.

Снимок зеркала.

На последнем по-прежнему виднелся маленький силуэт за её плечом.

Марина увеличила изображение.

И вдруг заметила то, чего не видела раньше.

Силуэт стоял не позади неё.

Он стоял внутри открытой двери.

Той самой двери между кухней и коридором, за которой начиналась бетонная лестница.

В одиннадцать без десяти Марина уже была одета.

Фотографию она положила в конверт, конверт убрала в сумку. Тетрадь бабушки осталась в квартире на Лесной, но Марина решила забрать её при следующем посещении. Сейчас ей хотелось держать в руках только снимок — единственную вещь, которая могла подтвердить, что Аня действительно существовала.

Она вышла из дома и спустилась к остановке.

Автобус пришёл через семь минут. Марина села у окна, достала телефон и ещё раз прочитала сообщение Нины Петровны.

Приходи сегодня к двенадцати. И не бери с собой фотографию.

Она уже взяла.

Это решение не казалось ей особенно смелым. Скорее, наоборот: если Нина Петровна знала, что произошло с Аней, фотография могла помочь ей восстановить события. А если соседка пыталась манипулировать Мариной, то та хотела видеть её реакцию, когда снимок окажется на столе.

Марина не собиралась верить на слово никому из родственников.

Автобус свернул на Лесную.

Она увидела знакомый двор, гаражи, детскую площадку с облупившейся горкой. Дом стоял на прежнем месте. Возле подъезда мужчина в рабочей куртке пытался завести старую «Ладу». Двигатель кашлял, глох, и мужчина ругался вполголоса.

Марина вышла на остановке и пошла пешком.

Чем ближе она подходила к дому, тем сильнее ощущала странное беспокойство. Не страх даже, а неприятное чувство, которое возникало, когда ты возвращаешься туда, где когда-то случилось что-то плохое, но никак не можешь вспомнить, что именно.

У подъезда она остановилась.

Вчерашняя дверь была закрыта. На стекле висело объявление о проверке счётчиков. Почтовые ящики выглядели так же, как и прежде, — несколько перекошенных дверец, чужая реклама, клочок бумаги, застрявший в щели.

Марина вошла.

В подъезде пахло сыростью, пылью и кошачьим кормом. На первом этаже кто-то оставил у стены пару детских сапог. На втором работал телевизор. На третьем хлопнула дверь, и послышались шаги.

Марина начала подниматься.

Она не считала ступени.

На третьем этаже открылась дверь.

Нина Петровна выглянула в подъезд, придерживая ручку одной рукой. На ней был домашний халат в мелкий цветочек и тёплые носки. Волосы, обычно убранные под платок, сегодня были собраны в небрежный пучок.

— Пришла, — сказала она.

Не спросила. Просто констатировала.

— Вы меня ждали?

— Конечно.

Нина Петровна открыла дверь шире.

— Заходи. Только обувь вытри. Я утром полы мыла.

Марина посмотрела на неё с удивлением.

После всего, что произошло, после разговоров о шестом этаже и Ане, замечание про мокрую обувь показалось почти оскорбительно обычным.

Она вытерла подошвы о коврик и вошла.

В квартире было тепло. Пахло жареным луком, стиральным порошком и чем-то сладким — возможно, яблочным вареньем. В прихожей стоял шкаф с зеркальной дверцей, на крючках висели две куртки, а на табурете лежала стопка газет.

— Проходи на кухню, — сказала Нина Петровна. — Чай будешь?

— Нет, спасибо.

— Всё равно налью. Разговаривать на сухую голову тяжело.

Она прошла на кухню и поставила чайник.

Марина осталась у двери.

На стене висел календарь за прошлый год. Под ним — фотография в рамке: Нина Петровна в молодости, рядом с ней мужчина в форме, а между ними мальчик лет пяти. На заднем плане виднелась знакомая лестничная клетка.

Марина подошла ближе.

На снимке лестница выглядела совершенно иначе. Стены были светлее, перила — деревянные, на площадке стояла большая тумбочка с цветочным горшком. Обычная старая пятиэтажка, каких было много в городе.

Но на стене возле лестницы висела табличка.

Марина прищурилась.

На ней было написано: «5-й этаж».

Под табличкой, чуть ниже, виднелась ещё одна.

Маленькая, почти незаметная.

«6-й этаж».

— Что это? — спросила Марина.

Нина Петровна, стоявшая у плиты, замерла.

— Где?

Марина указала на фотографию.

Соседка повернулась, посмотрела на рамку, затем медленно сняла её со стены.

— Я думала, ты заметишь не сразу, — сказала она.

— Что это за табличка?

Нина Петровна не ответила. Она положила фотографию на стол, вынула её из рамки и перевернула.

На обратной стороне было написано шариковой ручкой:
«Лестница. Июнь 1999 года. До того, как всё закрыли».

Марина прочитала надпись дважды.

— Что закрыли?

Нина Петровна положила фотографию обратно в рамку.

— Садись, Марина.

— Сначала ответьте.

— Садись.

В её голосе не было грубости, но спорить почему-то расхотелось. Марина села за стол. Нина Петровна поставила перед ней чашку, налила чай и придвинула вазочку с печеньем.

— Вы знали Аню? — спросила Марина.

Соседка села напротив.

— Знала.

— Кто она?

— Девочка.

— Я понимаю, что девочка. Мне нужно имя, фамилия, кто её родители, где она жила.

— Фамилию я не помню.

— Как можно не помнить фамилию ребёнка, которого вы знали?

— Очень просто. Я помню, что у неё были светлые волосы. Помню, что она любила яблоки. Помню, что она боялась собак. А фамилию не помню.

Марина внимательно посмотрела на неё.

— Вы ведь не старенькая беспомощная женщина, которая путает всё подряд. Вы меня вчера узнали. Помните мою бабушку. Помните, что я приезжала сюда в детстве. Почему все вдруг перестали помнить Аню?

Нина Петровна сжала чашку обеими руками.

— Потому что некоторые вещи люди забывают не сами.

Марина почувствовала, как внутри снова поднимается раздражение.

— Пожалуйста, только не говорите загадками.

— А как мне говорить? Как тебе объяснить то, что я сама до конца не понимаю?

— Начните с того, что знаете.

Нина Петровна посмотрела на окно.

На стекле отражалась кухня, чайник, занавески, две женщины за столом. За их спинами была дверь в коридор.

Обычная дверь.

Марина заставила себя не оборачиваться.

— Ты ведь помнишь, что бабушка запрещала тебе считать ступени? — спросила Нина Петровна.

— Да.

— И что она не разрешала подходить к окну вечером?

— Да.

— Она говорила тебе, что в доме пять этажей?

Марина задумалась.

— Не помню.

— А я помню. Она говорила это каждый раз, когда ты приезжала. Особенно после того лета.

— Какого лета?

— Две тысячи седьмого.

Марина поставила чашку на стол.

— Что произошло летом две тысячи седьмого?

Нина Петровна долго молчала.

Потом поднялась, подошла к буфету и достала из нижнего ящика старую картонную коробку. Коробка была перевязана выцветшей бечёвкой. На крышке карандашом было написано: «Фотографии. Не выбрасывать».

Соседка поставила её на стол.

— Я не собиралась тебе это показывать, — сказала она. — Твоя бабушка просила, чтобы ты никогда не узнала.

— Но вы передумали.

— Нет. Я просто поняла, что теперь это уже не имеет значения.

Она развязала бечёвку.

В коробке лежали фотографии, открытки, несколько конвертов и маленькая записная книжка в клетку. Некоторые снимки были чёрно-белыми, другие — цветными, с белыми рамками и датами, написанными на обороте.

Нина Петровна перебирала их медленно, почти бережно.

Наконец вытащила фотографию и положила перед Мариной.

На снимке были три человека: Нина Петровна, Анна Павловна и маленькая девочка с длинными светлыми волосами.

Аня.

Она стояла между двумя женщинами, держась за руки обеих. На ней было светлое платье с маленьким воротником, а на запястье — красная нитка.

Марина наклонилась к фотографии.

— Когда это снято?

— В июне две тысячи седьмого.

— Где?

— В этом доме.

— В подъезде?

— Да.

Марина перевернула снимок.

На обороте было написано:

«Нина, Аня и Аня Павловна. Перед закрытием лестницы».

Марина нахмурилась.

— Кто такая Аня Павловна?

Нина Петровна закрыла глаза.

— Прочитай ещё раз.

Марина снова посмотрела на надпись.

«Нина, Аня и Анна Павловна».

Она поняла, что прочитала неправильно.

Но почему-то от этого стало ещё хуже.

— Вы сказали, что фотография сделана в подъезде. Почему на обороте написано «перед закрытием лестницы»?

Нина Петровна открыла глаза.

— Потому что до две тысячи седьмого года в этом доме была ещё одна лестница.

— Как это — ещё одна?

— Не такая, как обычная. Она начиналась между четвёртым и пятым этажами. Там была дверь. За ней — площадка, потом ещё один пролёт.

Марина вспомнила бетонную лестницу за дверью в квартире бабушки.

— Она вела на шестой этаж?

— Да.

— Но дом пятиэтажный.

— Дом пятиэтажный, — согласилась Нина Петровна. — Поэтому её и закрыли.

— Это невозможно.

— Я тоже так думала.

Нина Петровна взяла фотографию из рук Марины и показала на задний план.

За спинами трёх человек действительно виднелась дверь. Узкая, металлическая, с облупившейся краской. Над ней висела табличка.

Цифра шесть.

Марина смотрела на снимок, пока не заболели глаза.

— Почему лестницу закрыли?

Нина Петровна положила фотографию на стол.

— Потому что однажды там пропал человек.

— Кто?

Соседка посмотрела на неё.

— Девочка по имени Аня.

Марина почувствовала, как чашка в её руках дрогнула.

— Но она же на фотографии.

— Да.

— Значит, фотография сделана до того, как она пропала?

— Нет, Марина. Фотография сделана через три дня после того, как её объявили пропавшей.

В кухне стало очень тихо.

За стеной негромко работал телевизор. На улице проехала машина, и её звук постепенно растворился в отдалении.

Марина положила чашку на стол.

— Это какая-то шутка?

— Нет.

— Вы хотите сказать, что фотография сделана после её исчезновения, но она на ней стоит рядом с вами?

— Именно.

Марина встала.

Стул отодвинулся с неприятным скрежетом.

— Зачем вы мне это рассказываете?

— Потому что ты должна понять одну вещь. Аня не исчезла из дома. Она исчезла из памяти людей.

Марина смотрела на Нину Петровну, пытаясь уловить хоть какую-то улыбку, намёк на розыгрыш, признаки того, что пожилая женщина сама верит в собственную историю лишь наполовину.

Но Нина Петровна не улыбалась.

— Когда это началось? — спросила Марина.

— Не знаю.

— Вы же сказали, что она пропала в две тысячи седьмом.

— Я сказала, что её объявили пропавшей. Это не одно и то же.

— Объясните.

Нина Петровна взяла фотографию и убрала её обратно в коробку.

— Сначала её перестали видеть соседи. Потом перестали узнавать на фотографиях. Потом люди начали забывать, что вообще была такая девочка. Даже те, кто разговаривал с ней каждый день.

— А вы?

— Я помню.

— Почему?

Соседка долго смотрела на свои руки.

— Потому что я была последней, кто видел её живой.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Где?

Нина Петровна не ответила сразу.

Вместо этого она достала из коробки маленькую записную книжку и положила перед Мариной.

— Вот что осталось от того лета. Всё, что я смогла сохранить.

Марина открыла книжку.

Первые страницы были заполнены обычными записями: списки покупок, телефоны соседей, даты оплаты коммунальных услуг. Почерк был мелким, наклонным, местами почти нечитаемым.

На одной из страниц стояла дата:

17 июня 2007 года.

Под ней было написано:

«Анна Павловна опять просила не открывать дверь на шестой этаж. Говорит, что девочка вернулась. Я сказала, что никакой девочки нет. Она посмотрела на меня так, будто я её ударила».

Следующая запись была сделана через два дня.

«Сегодня Марина играла на лестнице с пустотой. Я спросила, с кем она разговаривает. Она ответила: с Аней. Сказала, что Аня живёт этажом выше. Я объяснила, что выше только крыша. Марина рассердилась и сказала, что я ничего не понимаю».

Марина медленно перелистнула страницу.

«Анна Павловна плакала на кухне. Сказала, что девочка снова считает ступени. Я спросила, какая девочка. Она не ответила. Потом велела мне никогда не подниматься выше пятого этажа, даже если дверь будет открыта».

На следующей странице чернила расплылись, будто бумага намокла.

Марина разобрала только несколько слов:

«...слышала детский голос...»

«...не открывать...»

«...не отвечать, если зовёт по имени...»

Она перевернула страницу.

Запись от 24 июня 2007 года состояла всего из одной строки.

«Сегодня я увидела Аню. Она стояла на шестом этаже и держала за руку Марину».

Марина перечитала её.

Потом ещё раз.

— Я не могла там быть, — сказала она.

— Почему?

— Потому что я не помню.

Нина Петровна смотрела на неё с такой усталостью, что Марине захотелось отвернуться.

— Именно поэтому я и не хотела, чтобы ты приходила.

— Вы не можете просто сказать, что я была там, и ожидать, что я поверю.

— Я ничего от тебя не ожидаю.

— Тогда зачем всё это?

Нина Петровна забрала книжку и закрыла коробку.

— Потому что вчера ты снова увидела её. А это значит, что то, что случилось тогда, не закончилось.

Марина посмотрела на сумку, стоявшую возле стула. Внутри лежал конверт с фотографией, которую она собиралась показать Нине Петровне.

Она медленно достала его.

— Я принесла ещё одну фотографию.

Соседка побледнела.

— Я же просила не брать её.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели.

— Убери.

— Посмотрите!

Марина вытащила снимок и положила на стол.

На нём были две девочки у дачного забора. Марина и Аня. За их спинами стоял дом на Лесной, а в окне пятого этажа виднелась маленькая фигура.

Нина Петровна не прикоснулась к фотографии.

Она смотрела на неё, не моргая.

— Где ты это взяла? — спросила она.

— В старом альбоме.

— Кто тебе отдал альбом?

— Он был у меня дома.

— Нет, — тихо сказала Нина Петровна. — Этого не может быть.

Она поднялась из-за стола и отошла к окну.

— Что не может быть?

— Эта фотография не должна была сохраниться.

— Почему?

Нина Петровна обернулась.

— Потому что на ней не должно быть двух девочек.

Марина почувствовала, что не может вдохнуть полной грудью.

— Что вы имеете в виду?

Соседка подошла к столу, наклонилась над снимком и указала на Марину.

— Ты видишь себя?

— Конечно.

— А Аню?

— Да.

— А теперь посмотри на её руку.

Марина опустила глаза.

Красная нитка.

Два узла.

Один свободный конец.

— Что с ней?

— В тот день, когда сделали эту фотографию, Аня уже была мертва.

Марина резко подняла голову.

— Вы только что сказали, что она пропала.

— Я сказала, что её объявили пропавшей. Я не говорила, что она была жива.

Марина отодвинулась от стола.

— Нет.

— Марина...

— Нет. Вы не можете этого знать. Вы не можете знать, что человек мёртв, если его никто не видел.

Нина Петровна молчала.

Марина посмотрела на фотографию ещё раз. Две девочки стояли рядом, держась за руки. У обеих были одинаковые нитки на запястьях. На лице Марины была улыбка, которую она почти не узнавала. У Ани — спокойное выражение, словно фотографирование было для неё привычным делом.

— Кто сделал снимок? — спросила Марина.

— Твоя бабушка.

— Когда?

— Через три дня после исчезновения Ани.

— Вы это уже сказали.

— Потому что я хочу, чтобы ты поняла. Твоя бабушка сделала эту фотографию после того, как девочку признали пропавшей. Она принесла мне снимок и сказала, что теперь у неё есть доказательство.

— Доказательство чего?

Нина Петровна посмотрела на окно.

— Что Аня всё ещё возвращается.

Марина почувствовала, как по коже пробежали мурашки.

— Куда?

— В дом.

— Зачем?

Нина Петровна покачала головой.

— Этого я не знаю.

Марина снова посмотрела на снимок.

Теперь ей казалось, что улыбка Ани стала другой. Не шире и не страшнее — просто направленной не на камеру, а куда-то мимо неё. Как будто девочка смотрела на человека, стоявшего за фотографом.

На того, кто не должен был попасть в кадр.

— А что произошло со мной? — спросила Марина.

Нина Петровна не ответила.

— Что произошло со мной в тот день?

Соседка села напротив неё и положила руки на стол.

— Тебя нашли утром на лестнице между четвёртым и пятым этажами. Ты была босая, в мокрой одежде, хотя дождя в ту ночь не было. Ты не могла объяснить, где находилась. Не узнавала бабушку. Не помнила маму.

Марина смотрела на неё, не в силах пошевелиться.

— Сколько это продолжалось?

— Почти сутки.

— А потом?

— Потом ты уснула. А когда проснулась, всё помнила. Только Аню — нет.

— И никто не обратился в полицию?

— Обращались. Искали девочку. Проверяли подвал, чердак, окрестности. Но никто не мог толком объяснить, кого именно ищут. В документах не было её фамилии. Не было адреса, по которому она жила. Не было даже записи о том, что она ходила в детский сад или школу.

— Но вы же её знали!

— Я знала её, — сказала Нина Петровна. — И твоя бабушка знала. И ты знала. Но каждый раз, когда мы пытались рассказать о ней кому-то ещё, люди забывали, о чём мы говорили. Иногда через несколько минут. Иногда на следующий день.

Марина сжала край стола.

— Это невозможно.

— Я знаю.

— Нет, вы не знаете. Вы говорите так, будто это объяснение.

— Это не объяснение, Марина. Это то, что происходило.

Соседка поднялась и подошла к буфету. Она достала из ящика небольшой металлический ключ на потемневшем кольце и положила его перед Мариной.

— Что это?

— Ключ от двери на шестой этаж.

Марина не прикоснулась к нему.

— Она всё ещё существует?

— Не знаю.

— Как это — не знаете?

— Последний раз я видела эту дверь много лет назад. После того, что случилось, её заварили. Потом сделали ремонт, заменили перила, перекрасили стены. А когда я попыталась найти её снова, на этом месте была обычная стена.

Марина посмотрела на ключ.

Он был длинным, плоским, с узким бородком. Таким же, каким она вчера открыла дверь в квартире бабушки.

— Откуда он у вас?

— Твоя бабушка оставила его мне.

— Зачем?

Нина Петровна помолчала.

— Сказала, что однажды ты придёшь и спросишь про Аню.

Марина медленно подняла взгляд.

— Когда она это сказала?

— В две тысячи седьмом.

За окном проехал автобус. В кухне на мгновение дрогнул свет.

Марина посмотрела на часы.

12:43.

Она просидела здесь почти час, хотя ей казалось, что прошло не больше двадцати минут.

— Я хочу увидеть эту дверь, — сказала она.

Нина Петровна побледнела ещё сильнее.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что там теперь.

— Вы только что отдали мне ключ.

— Я не говорила, что тебе нужно туда идти.

— Тогда зачем вы его дали?

Нина Петровна посмотрела на Марину долгим, тяжёлым взглядом.

— Потому что если ты сама не найдёшь дверь, она найдёт тебя.

Марина хотела ответить, но в этот момент в коридоре раздался звонок.

Обе женщины замолчали.

Звонок повторился.

Нина Петровна медленно повернула голову к двери.

— Ты кого-нибудь ждёшь? — спросила Марина.

— Нет.

Третий звонок.

Потом голос из-за двери:

— Нина Петровна, откройте. Это я.

Марина узнала голос.

Он принадлежал её матери.

Нина Петровна закрыла глаза.

— Чёрт, — тихо сказала она. — Она всё-таки приехала.

Марина поднялась.

— Вы знаете, что происходит?

— Знаю, что тебе нельзя сейчас выходить.

— Но это моя мать.

— Я знаю.

— Тогда почему...

— Потому что, Марина, — перебила Нина Петровна, — если она пришла за фотографией, значит, она наконец вспомнила.

За дверью снова постучали.

На этот раз не три раза.

Шесть.

И из коридора донёсся детский голос:

— Аня, ты дома?

Марина застыла.

Нина Петровна резко схватила её за запястье.

— Не отвечай.

Голос повторился, уже ближе:

— Аня?

Марина посмотрела на входную дверь.

Под ней медленно появилась тонкая полоска света.

Хотя в подъезде не горела ни одна лампочка.

А потом из-за двери раздался голос её матери — тихий, испуганный, совсем не похожий на тот, которым она разговаривала по телефону:

— Марина, не открывай. Что бы ты ни услышала, не открывай.

Марина не двигалась.

И тогда кто-то снаружи произнёс её собственным детским голосом:

— Мам, я здесь.

Голос был тихим и немного капризным. Таким голосом дети зовут родителей из соседней комнаты, когда не могут найти любимую игрушку или хотят показать рисунок, который ещё не закончили.

Марина узнала его сразу.

Не потому, что помнила, как звучала в восемь лет. Она не помнила. Но голос был её. В нём слышалась та особенная интонация, с которой она сама иногда произносила слово «мам», когда хотела добиться своего и заранее знала, что ей откажут.

За дверью стояла маленькая Марина.

Взрослая Марина не могла этого доказать. Она не видела девочку, не слышала её дыхания, не знала, действительно ли голос доносился из подъезда или возникал у неё в голове. Но тело уже отреагировало раньше рассудка: пальцы похолодели, живот стянуло, а сердце начало биться так сильно, словно она бежала по лестнице.

Нина Петровна держала её за запястье.

— Не отвечай, — повторила она.

Марина попыталась высвободить руку.

— Это моя мать.

— Я слышу.

— Она за дверью.

— Я слышу, Марина.

— Тогда почему мы не открываем?

Нина Петровна посмотрела на неё так, словно Марина спросила, почему нельзя сунуть руку в кипяток.

— Потому что твоя мать сама велела тебе не открывать.

Из коридора донёсся скрип.

Будто кто-то медленно провёл подошвой по полу.

— Мамочка? — позвал детский голос.

Марина вздрогнула.

Нина Петровна сильнее сжала её руку.

— Посмотри на меня.

Марина неохотно повернулась.

— Слушай внимательно. Что бы ни происходило, сейчас ты должна остаться здесь. Поняла?

— Нет.

— Марина...

— Я не буду сидеть в вашей кухне, пока кто-то изображает моё детство за дверью.

— А если никто ничего не изображает?

Вопрос повис между ними.

Нина Петровна, кажется, сама испугалась собственных слов. Она отпустила руку Марины, отошла к столу и зачем-то принялась выравнивать стопку газет. Делала это тщательно, придвигая каждый край к другому, хотя газеты и без того лежали ровно.

Марина смотрела на неё.

— Вы ведь уже слышали этот голос.

— Да.

— Когда?

— В тот раз.

— В две тысячи седьмом?

Нина Петровна кивнула.

— Это была я?

— Не знаю.

— Вы же сказали, что видели меня на лестнице.

— Я видела тебя. А вот кто звал из-за двери — не знаю.

За входной дверью снова постучали.

На этот раз раздался один короткий удар.

— Нина Петровна, — произнесла мать Марины. — Откройте, пожалуйста.

Голос звучал совершенно обычно. Усталый, раздражённый, с той самой ноткой нетерпения, которую Марина знала с детства.

— Я приехала за дочерью.

Нина Петровна прикрыла глаза.

— Не надо, — прошептала она.

Марина нахмурилась.

— Что?

— Она не должна была приезжать.

— Почему?

— Потому что теперь их двое.

Марина не успела переспросить.

За дверью раздался шорох, затем глухой удар, словно кто-то опёрся на неё всем телом.

— Мам? — снова позвал детский голос.

На этот раз он прозвучал совсем рядом.

Не с лестничной клетки.

Изнутри квартиры.

Марина резко обернулась к коридору.

Дверь кухни была открыта. За ней виднелась прихожая, шкаф с зеркалом и входная дверь. Ничего необычного.

Но зеркало отражало не прихожую.

В нём была лестничная площадка.

Серая стена, деревянные перила, тусклая лампочка. Внизу виднелся пролёт, уходящий в темноту. На площадке стояла девочка в светлом платье.

Она держала за руку женщину.

Марина не сразу поняла, что женщина — её мать.

Та выглядела моложе, чем сейчас. Волосы были собраны в высокий хвост, на плечах лежала светлая куртка, которую Марина помнила по старым семейным фотографиям. Мать стояла спиной к зеркалу и смотрела вниз, туда, где заканчивалась лестница.

Девочка повернула голову.

Посмотрела прямо на Марину.

А потом подняла свободную руку и приложила палец к губам.

Тихо.

Марина отступила.

Зеркало снова отражало прихожую.

Шкаф. Куртка. Входная дверь.

— Ты видела? — спросила Нина Петровна.

Марина не ответила.

— Марина?

— Да.

Нина Петровна опустилась на стул.

Впервые с момента их встречи она выглядела не старой и усталой, а по-настоящему рас-
терпанной. Она смотрела на дверь кухни, будто ожидала, что там снова появится лестница.

— Раньше такого не было, — сказала она.

Марина заставила себя вдохнуть.

— Что именно?

— Зеркала не показывали то, чего нет.

— А что показывали?

Нина Петровна подняла на неё глаза.

— Тех, кого забыли.

Снаружи послышались быстрые шаги. Затем мать заговорила снова:

— Марина, я знаю, что ты там. Нина Петровна, я знаю, что вы её не отпустите. Но вы не можете удерживать её вечно.

— Я её не удерживаю, — тихо сказала Нина Петровна.

— Тогда откройте дверь!

В голосе матери появилась злость.

Марина шагнула к прихожей.

— Я сама с ней поговорю.

Нина Петровна не стала хватать её за руку. Только сказала:

— Если откроешь, не смотри ей в глаза.

Марина остановилась.

— Кому?

Соседка не ответила.

Марина посмотрела на входную дверь. Под ней по-прежнему виднелась тонкая полоска света. Она не понимала, откуда он исходил: в подъезде было темно, а лампочка над лестницей давно перегорела.

— Нина Петровна, кто там?

— Я не знаю.

— Вы знаете больше, чем говорите.

— Да.

— Тогда скажите.

Соседка медленно поднялась.

— Я скажу. Но не сейчас. Сначала нужно, чтобы они ушли.

— Они?

— Твоя мать и... та, что пришла вместе с ней.

Марина почувствовала, как по спине пробежал холод.

— Вы сказали, что не знаете, кто там.

— Я не знаю, кто именно стоит за дверью. Но я знаю, что твоя мать никогда не приехала бы сюда одна, если бы решила рассказать тебе правду.

За дверью стало тихо.

Мать больше не звала.

Не стучала.

Не требовала открыть.

Марина подошла к глазку.

Нина Петровна тихо выругалась.

— Не надо.

Но Марина уже наклонилась.

Глазок был мутным, с царапиной в нижней части. Обычно через него можно было различить лицо человека, стоявшего у двери, и кусок лестничной площадки.

Сейчас она увидела длинный коридор.

Он уходил далеко вниз, хотя за входной дверью квартиры Нины Петровны находилась обычная лестничная клетка. На стенах висели старые фотографии в деревянных рамках. Между ними стояли тумбочки, а под потолком горели лампочки, которых в их подъезде никогда не было.

В самом конце коридора стояла её мать.

Рядом с ней — девочка.

Обе смотрели прямо на Марину.

Мать медленно подняла руку и указала куда-то за спину дочери.

Марина обернулась.

За её спиной, в глубине квартиры, кто-то тихо засмеялся.

Она отпрянула от двери.

— Что там? — спросила Нина Петровна.

Марина не смогла ответить.

Из прихожей донёсся звук шагов.

Медленных, босых.

Они приближались к кухне.

Нина Петровна схватила со стола ключ и сжала его в ладони.

— Марина, не оборачивайся.

— Почему?

— Потому что она стоит за тобой.

Марина почувствовала дыхание у самого уха.

Тёплое.

Детское.

— Ты всё-таки пришла, — прошептал знакомый голос.

Марина закрыла глаза.

Она знала, что должна сделать. Отойти, не отвечать, не смотреть, не позволять этому голосу втянуть себя в разговор.

Но прежде чем она успела пошевелиться, девочка спросила:

— Ты помнишь, что мы обещали друг другу?

И Марина вспомнила.

Не всё.

Только короткий обрывок.

Летний вечер. Дачная веранда. Запах мокрой травы после дождя. Две девочки сидят под столом, потому что играют в прятки. У одной в руках синяя папка, у другой — красная нитка.

Аня шепчет:

— Если одна из нас забудет, другая должна напомнить.

Маленькая Марина кивает.

— А если мы обе забудем?

Аня улыбается.

— Тогда дом напомнит.

Воспоминание исчезло так же внезапно, как появилось.

Марина открыла глаза.

В кухне никого не было.

Ни девочки, ни матери, ни странного отражения. Только Нина Петровна, стоявшая возле стола, сжимала в руке металлический ключ.

— Ты вспомнила? — спросила она.

Марина медленно кивнула.

— Что?

— Обещание.

Нина Петровна побледнела.

— Господи.

Она опустила на стул и закрыла лицо руками.

Марина смотрела на неё, ожидая объяснений, но соседка долго не произносила ни слова.

Наконец она подняла голову.

— Теперь всё будет гораздо хуже.

Когда дверь наконец открылась, на лестничной площадке никого не было.

Марина сама не заметила, в какой момент мать перестала стучать и когда исчез детский голос. Они с Ниной Петровной ещё несколько минут сидели на кухне, прислушиваясь к тишине. Потом соседка подошла к двери, посмотрела в глазок и осторожно повернула ключ.

— Стой здесь, — сказала она.

— Нет.

— Марина...

— Я не буду больше стоять за чужой спиной и ждать, пока мне объяснят, что происходит.

Нина Петровна хотела возразить, но передумала.

Они вышли вместе.

На площадке было пусто. Лампочка под потолком горела ровно. На стене возле почтовых ящиков висело объявление о замене домофона. На лестнице пахло пылью и холодным воздухом.

Никакой шестой двери.

Никакой матери.

Никакой девочки.

Марина подошла к перилам и посмотрела вниз. Обычные пролёты, этаж за этажом. На первом этаже кто-то оставил пакет с мусором. Из квартиры на втором доносился звук работающего телевизора.

— Куда они делись? — спросила она.

— Не знаю.

— Вы всегда так говорите.

Нина Петровна посмотрела на неё с усталой обидой.

— Потому что это правда.

Марина обернулась к двери квартиры.

— А моя мать?

— Возможно, она ушла.

— Не может же человек просто исчезнуть.

Нина Петровна не ответила.

Марина достала телефон и набрала номер матери.

Вызов сбросился после первого гудка.

Она набрала снова.

На этот раз телефон оказался выключен.

Марина открыла переписку.

Последнее сообщение от матери по-прежнему было коротким:

«Я приеду».

Ни слова о том, что она уже здесь. Ни звонка. Ни объяснения.

Марина убрала телефон.

— Я хочу пойти в квартиру бабушки.

Нина Петровна резко подняла голову.

— Зачем?

— Там дверь. Та самая, о которой вы говорили.

— Ты уже была там.

— Да. Но я не знала, что ищу.

— И что теперь?

Марина посмотрела на ключ в руке соседки.

— Теперь я хочу открыть её ещё раз.

Нина Петровна долго молчала.

Потом вложила ключ в ладонь Марины.

— Этот ключ не от той двери.

Марина посмотрела на него.

— Что?

— Он от двери на шестой этаж. А та, что ты нашла в квартире бабушки, — другая.

— Но вы сказали...

— Я сказала, что твоя бабушка оставила мне ключ. Не говорила, что он подходит к двери в её квартире.

Марина сжала пальцы.

— Тогда откуда у меня был тот ключ?

Нина Петровна посмотрела на лестницу.

— Ты должна спросить об этом у своей матери.

— Она не отвечает.

— Тогда придётся подождать.

Марина покачала головой.

— Я больше не собираюсь ждать.

Она спустилась на один пролёт, затем остановилась и обернулась.

— Нина Петровна, вы сказали, что Аня исчезла из памяти людей. Но вы её помните. Моя бабушка помнила. Я помню её сейчас, хотя не помнила вчера.

— Да.

— Значит, память можно вернуть?

Нина Петровна посмотрела на неё так, словно Марина задала вопрос, на который не существовало безопасного ответа.

— Иногда.

— А что для этого нужно?

— Чтобы кто-то другой вспомнил.

Марина нахмурилась.

— Это всё?

— Нет. Но остальное я тебе пока не скажу.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что именно ты вспомнишь, когда начнёшь искать.

Нина Петровна развернулась и вошла в квартиру.

Дверь закрылась.

Марина осталась на лестнице одна.

В ладони лежал тяжёлый металлический ключ. Он был холодным, с тёмными пятнами возле бороздки. На кольце виднелась маленькая выпарапанная цифра.

Шесть.

Марина убрала ключ в карман и пошла вниз.

На площадке между третьим и вторым этажами она остановилась.

Ей показалось, что снизу доносится детский смех.

Тихий, короткий.

Она прислушалась.

Тишина.

Марина продолжила спускаться, стараясь не смотреть на ступени.

Но на последнем пролёте, перед самым выходом, она заметила на стене карандашную надпись.

Раньше её там не было.

Почерк был детский, буквы неровные, некоторые написаны зеркально.

«МАРИНА, НЕ ЗАБУДЬ АНЕ».

Она провела пальцами по стене.

Надпись была свежей. Графит оставил серый след на подушечках пальцев.

Марина достала телефон, сфотографировала её и вышла из подъезда.

На улице было холоднее, чем она ожидала. Ветер гонял по асфальту сухие листья, а над домами висело низкое серое небо.

Она остановилась у крыльца и посмотрела на окна.

Пятый этаж.

Одно окно было приоткрыто.

В проёме стояла маленькая девочка.

Марина не могла разглядеть её лица, но светлое платье было видно даже издалека.

Девочка подняла руку.

На запястье краснела нитка.

Потом она отступила от окна.

И за стеклом появилась другая фигура.

Взрослая женщина.

Марина узнала её по осанке и тёмным волосам.

Это была её мать.

До квартиры бабушки Марина добралась через двадцать минут.

Всё это время она пыталась дозвониться матери, но телефон оставался выключенным. Она написала несколько сообщений, однако не стала отправлять фотографию надписи на стене. Не хотела, чтобы мать снова потребовала отдать снимки и перестала отвечать.

На этот раз Марина не стала подниматься на лифте — его в доме всё равно не было. Она прошла через подъезд, поднялась по лестнице и остановилась перед знакомой дверью.

Квартира выглядела так же, как вчера. Старая металлическая ручка, потёртая краска, маленький коврик у порога.

Марина достала связку ключей.

Тот длинный плоский ключ, которым она открыла дверь между кухней и коридором, лежал среди остальных. Она точно помнила, что взяла его с собой после того, как покинула квартиру бабушки.

Но теперь он выглядел иначе.

На металле появились мелкие тёмные точки, словно ключ долго лежал в сыром месте. На бородке были царапины, которых раньше не было.

Марина вставила его в замок входной двери.

Он повернулся с первого раза.

В квартире пахло остывшим чаем, пылью и чем-то сладким. Марина закрыла за собой дверь, сняла куртку и повесила её на крючок.

Первым делом она прошла на кухню.

Дверь, за которой вчера обнаружилась бетонная лестница, была закрыта.

Марина остановилась перед ней.

Она не собиралась открывать её сразу. Сначала нужно было проверить, что осталось в квартире, найти документы, фотографии, любые сведения о доме. Она не хотела снова оказаться на лестнице, не понимая, где находится и как туда попала.

Но дверь притягивала взгляд.

Обычная деревянная дверь, выкрашенная в белый цвет. Ручка потемнела от времени. На нижней части краска вздулась, а у косяка виднелась тонкая трещина.

Марина помнила, что вчера за ней была бетонная лестница.

Помнила холодный воздух.

Помнила, как закрыла дверь и услышала с другой стороны шаги.

Она подошла ближе.

На двери появилась маленькая табличка, которой вчера не было.

Белая, пластиковая, прикрученная двумя винтами.

На ней чёрными буквами было написано:

«НЕ ОТКРЫВАТЬ ПОСЛЕ 18:00».

Марина посмотрела на часы.

14:26.

Она достала телефон и сфотографировала табличку. Затем проверила снимок.

На фотографии дверь была пустой.

Никакой таблички.

Марина опустила телефон.

— Конечно, — пробормотала она. — Почему бы и нет.

Она сделала ещё один снимок. Потом третий, со вспышкой.

На экране по-прежнему была обычная дверь.

Марина осторожно коснулась таблички пальцем.

Пластик оказался холодным.

Она попробовала приподнять его ногтем. Табличка не поддавалась. Винты были старые, покрытые ржавчиной.

Марина отступила.

Сначала она собиралась открыть дверь. Просто посмотреть, осталась ли лестница на месте. Но теперь решила не делать этого до вечера. Не потому, что верила надписи, — она не хотела давать неизвестному явлению ещё одну возможность застать её врасплох.

Вместо этого Марина направилась в комнату бабушки.

Там всё оставалось на своих местах. На столе лежала газета, рядом стояли очки и пустая чашка. На комод — фотография деда в военной форме. В шкафу висели платья, аккуратно разделённые по сезонам. В нижнем ящике лежали полотенца, постельное бельё и старые открытки.

Марина открывала ящики один за другим.

Она не знала, что ищет. Может быть, документы на квартиру, старые письма, свидетельство о рождении Ани. Любую вещь, которая позволила бы перестать полагаться на рассказы Нины Петровны.

В третьем ящике под стопкой полотенец она нашла конверт.

На нём было написано её имя.

Не «Марине», не «внучке», не «Маришке», как бабушка обычно обращалась к ней в сообщениях.

Просто:

«Марина».

Почерк был бабушкин.

Марина села на кровать и открыла конверт.

Внутри лежали три листа бумаги, сложенные вчетверо. На первом стояла дата — 25 июня 2007 года.

Чернила местами выцвели, но текст можно было прочитать.

«Марина, если ты когда-нибудь найдёшь это письмо, значит, я не смогла удержать всё так, как обещала.

Я не знаю, сколько ты будешь помнить. Может быть, совсем ничего. Может быть, только отдельные вещи: лестницу, красную нитку, девочку, которую нельзя называть по имени.

Если ты не помнишь Аню, не пытайся вспомнить её специально. Память — не дверь, которую можно открыть и закрыть, когда захочешь. Иногда она открывается сама. Иногда вместе с ней открывается то, что должно было остаться за стеной.

Ты можешь не верить мне. Я не обижусь. Я сама долго не верила.

Но если однажды ты снова увидишь шестой этаж, не поднимайся туда одна.

И самое главное: если Аня позовёт тебя по имени, не отвечай, пока не убедишься, что перед тобой именно она».

Марина остановилась.

Она перечитала последние строки.

«Пока не убедишься, что перед тобой именно она».

Не «не отвечай никогда».

Не «не открывай дверь».

Не «не разговаривай с ней».

Пока не убедишься.

Марина развернула второй лист.

На нём было всего несколько предложений.

«Я не смогла рассказать твоей матери правду. Она думает, что всё случилось из-за неё. Это не так. В тот вечер она пыталась тебя спасти.

Если она когда-нибудь придёт за фотографией, отдай ей ту, на которой вы стоите у забора. Но не отдавай снимок, где вы обе на лестнице.

На нём видно то, чего не должно быть видно».

Марина резко выпрямилась.

Фотография у забора была у неё в сумке.

Но снимка, где они с Аней стояли на лестнице, она ещё не видела.

По крайней мере, ей так казалось.

Она быстро развернула третий лист.

В самом верху стояла короткая фраза:

«Ты была не первой, кто забыл».

Ниже бабушка написала ещё несколько строк, но почерк становился всё более неровным.

Чернила размазывались, слова накладывались друг на друга.

Марина разобрала только конец:

«...если увидишь свою фотографию, не смотри на лицо девочки. Смотри на то, что у неё в руках».

Она перевернула лист.

На обратной стороне не было ничего.

Марина ещё раз осмотрела конверт, проверила, не прилип ли к нему дополнительный лист, но внутри оказалось пусто.

Она сидела на кровати, держа письмо обеими руками.

Бабушка знала, что однажды Марина вернётся.

Знала, что она найдёт фотографии.

Знала, что Аня снова появится.

И всё же не рассказала ей ничего при жизни.

Марина почувствовала злость. Настоящую, горячую злость, которая на несколько секунд оказалась сильнее страха.

— Почему ты не сказала мне сама? — произнесла она.

В квартире никто не ответил.

— Почему я должна узнавать всё от чужих людей? Почему ты оставила мне какие-то записки, вместо того чтобы просто поговорить?

Она смяла край письма.

Потом разгладила его.

Бабушка умерла. Ругаться с ней теперь было бессмысленно.

Марина аккуратно сложила листы обратно в конверт и положила его на кровать. Затем достала телефон, открыла фотографии и просмотрела весь архив, начиная с самых старых снимков, которые успела отсканировать несколько лет назад.

Там были школьные фотографии, семейные праздники, поездки на дачу. На некоторых снимках Марина была совсем маленькой. На других — уже подростком, с неуклюжей стрижкой и слишком серьёзным лицом.

Ани нигде не было.

Марина пролистнула ещё несколько кадров.

И остановилась.

Фотография была датирована августом 2007 года.

Она никогда не обращала на неё внимания, потому что снимок был сделан в квартире бабушки. На переднем плане стоял старый телевизор, рядом — журнальный столик, накрытый скатертью. В углу кадра виднелась часть дивана.

На диване сидела Марина.

Она была в пижаме, с растрёпанными волосами, и смотрела куда-то в сторону камеры.

За её спиной стояла бабушка.

А на заднем плане, возле двери между кухней и коридором, была ещё одна девочка.

Светлое платье.

Длинные волосы.

Красная нитка на запястье.

Аня.

Марина увеличила фотографию.

Девочка стояла вполоборота к камере. В руках она держала синюю папку.

Марина вспомнила слова из бабушкиной тетради:

«Мариш, ты не забыла, что у меня твоя синяя папка?»

Она всегда считала, что речь шла о какой-то школьной папке, которую оставила у бабушки много лет назад. Но теперь не была уверена.

Она увеличила изображение ещё сильнее.

Аня смотрела не на камеру.

Она смотрела на дверь за своей спиной.

И держала папку так, словно пыталась закрыть её от чьего-то взгляда.

Марина перевернула телефон экраном вниз.

Слишком много совпадений.

Слишком много деталей, которые никто не мог объяснить.

Она подошла к шкафу и достала старый фотоальбом. Тот самый, в котором нашла снимок у забора. На этот раз Марина не стала просматривать страницы подряд. Она искала фотографию с лестницей.

В альбоме были снимки бабушкиного дня рождения, поездки на дачу, семейного застолья. В нескольких кадрах Марина сидела на полу с игрушками. На других стояла рядом с матерью.

Ни одной фотографии лестницы.

Она закрыла альбом и посмотрела на конверт с письмом.

«Не смотри на лицо девочки. Смотри на то, что у неё в руках».

Синяя папка.

Марина открыла ящик комода, в котором хранила старые документы, и принялась перебирать содержимое. Свидетельства, школьные грамоты, рисунки, тетради. Она нашла даже бумажную куклу, которую когда-то вырезала из журнала, и несколько засохших фломастеров.

Но папки не было.

Она проверила шкаф, полки, коробки под кроватью. Ничего.

Марина вернулась в комнату бабушки и посмотрела на фотографию, стоявшую на комодe.

На ней бабушка держала в руках небольшой букет, а рядом стоял дед. Они улыбались, щурясь от солнца. Снимок был сделан на даче, задолго до рождения Марины.

Марина сняла рамку и перевернула её.

На обратной стороне была наклеена старая бумажная этикетка. Почерк отличался от бабушкиного.

«Лето 1984. Перед переездом».

Она нахмурилась.

Перед каким переездом?

Бабушка жила в квартире на Лесной сорок три года. Если снимок был сделан в 1984-м, значит, она переехала туда примерно в 1983-м. Но почему тогда на этикетке было написано «перед переездом»?

Марина открыла ящик с документами и нашла старую папку с бумагами на квартиру.

Договор социального найма, квитанции, справки, выписки. В одном из документов значилось, что Анна Павловна получила квартиру в доме № 17 на улице Лесной в октябре 1983 года.

Марина посмотрела на дату.

Затем снова на фотографию.

Всё сходилось.

Кроме одного.

На обороте снимка было написано не «перед переездом», а «перед закрытием».

Она поднесла этикетку к свету.

Буквы были тонкими, местами стёртыми. Первое слово действительно могло быть прочитано неправильно. Но последнее...

«Перед закрытием».

Закрытием чего?

Марина перевернула рамку обратно и заметила, что картонная задняя стенка отходит от краёв. Она осторожно поддела её ногтем.

Внутри лежал маленький клочок бумаги.

На нём было написано всего два слова:

«Не считай ступени».

Марина закрыла глаза.

Всё возвращалось к одному и тому же.

Ступени.

Дверь.

Шестой этаж.

Аня.

И красная нитка, которую она сама когда-то носила на запястье.

Марина взяла телефон и снова набрала номер матери.

На этот раз вызов прошёл.

Один гудок.

Второй.

Третий.

— Марина? — услышала она наконец.

Мать говорила тихо, словно находилась в чужой комнате и боялась, что её услышат.

— Где ты? — спросила Марина.

— Дома.

— Ты была у Нины Петровны?

Пауза.

— Нет.

Марина посмотрела на дверь комнаты.

— Не ври мне.

— Я не вру.

— Я видела тебя в окне. На пятом этаже.

— Марина, я не была там.

— Тогда кто это был?

Мать молчала.

Марина почувствовала, что снова начинает злиться.

— Я нашла письмо бабушки. Она написала, что ты пыталась меня спасти. От чего?

На другом конце провода что-то зашуршало.

— Ты открыла дверь? — спросила мать.

— Какую?

— В квартире бабушки.

Марина посмотрела в сторону кухни.

— Да.

Мать тяжело выдохнула.

— Господи...

— Что за ней?

— Ты видела?

— Да.

— И всё равно осталась там?

— Я не знала, что делать!

Мать замолчала.

Марина слышала, как она плачет. Не громко, не навзрыд — просто пытается дышать, но каждый вдох срывается.

— Мам, пожалуйста, — сказала Марина. — Я больше не могу так. Скажи мне, что случилось.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что если я расскажу, ты вспомнишь.

Марина крепче сжала телефон.

— А если я уже вспомнила?

На другом конце стало тихо.

— Что именно? — спросила мать.

Марина посмотрела на фотографию, лежавшую на кровати.

— Что мы с Аней дали друг другу обещание.

Мать резко втянула воздух.

— Какое обещание?

— Я не знаю. Помню только, что если одна из нас забудет, другая должна напомнить.

Мать заплакала сильнее.

— Мам?

— Ты не должна была этого вспоминать.

— Но я вспомнила.

— Тогда слушай меня. Очень внимательно. Ты сейчас находишься в квартире бабушки?

— Да.

— Выйди оттуда.

— Почему?

— Немедленно.

— Я не уйду, пока ты не объяснишь.

Мать замолчала. Марина слышала её дыхание и слабый шум на заднем плане.

Потом мать сказала:

— В синей папке лежит список.

Марина застыла.

— Какой список?

— Имена людей, которые помнили Аню.

— Где папка?

— У твоей бабушки.

— Я её не нашла.

— Тогда она ещё не вернулась.

Марина медленно опустилась на край кровати.

— Что значит «ещё не вернулась»?

— Она появится там, где ты впервые её оставила.

Марина посмотрела на дверь кухни.

Ей вдруг показалось, что из-за неё тянет холодом.

— Мам, я не понимаю.

— И не пытайся понять сейчас. Просто уходи из квартиры. Не открывай дверь после шести. И если услышишь, что кто-то считает ступени, не считай вместе с ним.

— Почему?

— Потому что на шестом этаже не должно быть никого.

Марина закрыла глаза.

— Аня там?

Мать не ответила.

— Мам, Аня там?

— Я не знаю, кто там сейчас.

— Но ты знаешь, кто она.

— Да.

— Кто?

Мать сделала долгий, дрожащий вдох.

— Аня была твоей сестрой.

Марина перестала слышать всё остальное.

Она смотрела на стену напротив, на старые обои с мелкими цветами, на тёмное пятно возле плинтуса, на фотографию деда в рамке. Мир не исчез. Не потемнел. Не раскололся надвое.

Просто одна фраза заняла всё пространство в её голове.

Аня была твоей сестрой.

Марина попыталась что-то сказать, но губы не слушались.

— Мам...

— Я знаю, что ты не помнишь.

— У меня нет сестры.

— Сейчас нет.

— Что это значит?

Мать снова заплакала.

— Прости меня.

— Что это значит?!

— Я не могу больше говорить.

— Ты не можешь просто бросить трубку!

— Марина, пожалуйста. Уходи оттуда.

— Скажи мне, что произошло с Аней!

Мать произнесла несколько слов, почти неразборчивых.

Марина попросила повторить.

— Она не должна была возвращаться, — сказала мать. — Мы договорились, что она останется там.

— Где?

Но мать уже отключилась.

Марина ещё долго сидела неподвижно.

Потом медленно положила телефон на кровать.

Она пыталась найти в памяти хоть что-нибудь, что могло бы подтвердить слова матери. Вторую детскую кроватку, игрушки, детские вещи в шкафу. Фотографии, на которых они с Аней были вместе. Какие-нибудь разговоры взрослых, семейные праздники, дни рождения.

Ничего.

В её воспоминаниях всегда была только она одна.

Единственный ребёнок в семье.

Единственная внучка Анны Павловны.

Мать никогда не рассказывала о другой беременности. Никогда не упоминала сестру. Даже в ссорах, когда они обе говорили лишнее, эта тема не возникала.

Марина встала и прошла на кухню.

Дверь с табличкой «НЕ ОТКРЫВАТЬ ПОСЛЕ 18:00» по-прежнему была закрыта.

На часах было 15:02.

Она подошла ближе.

Теперь на табличке появилась ещё одна строка.

Мелкие чёрные буквы под первой:

«ЕСЛИ УЖЕ ВСПОМНИЛА — НЕ ОТВЕЧАЙ».

Марина отступила.

Из-за двери донёсся тихий стук.

Один раз.

Потом второй.

Третий.

Она не пошевелилась.

Через несколько секунд с другой стороны раздался голос.

Не детский.

Не голос матери.

Голос самой Анны Павловны.

— Мариш, открой. Я тебе папку принесла.

Марина почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

Голос звучал так же, как раньше, когда бабушка звала её ужинать или просила принести из комнаты очки. Немного хриловатый, тёплый, с мягким ударением на последнем слоге.

— Мариш, ты чего молчишь?

Марина зажала рот ладонью.

Бабушка была мертва.

Она сама видела её фотографию на похоронном объявлении. Сама разговаривала с врачом. Сама приехала в пустую квартиру, где на столе стояла недопитая чашка чая.

— Мариш, — снова позвал голос. — Я знаю, что ты там.

Марина медленно попятилась.

— Открой, пожалуйста.

В голосе появилась обида.

— Я ведь не чужая.

Марина упёрлась спиной в стену.

Она хотела убежать. Выйти из квартиры, спуститься по лестнице, поймать автобус и уехать как можно дальше. Хотела позвонить матери, Андрею, кому угодно, лишь бы услышать голос живого человека.

Но ноги не двигались.

— Я тебе кое-что оставила, — сказала бабушка. — Ты же хотела узнать про Аню?

Марина закрыла глаза.

— Я могу рассказать.

За дверью что-то тихо заскрипело.

— Только открой.

Марина не отвечала.

Тогда голос изменился.

Стал моложе.

Тише.

— Марина, — сказала Аня. — Ты обещала меня забрать.

Марина почувствовала, как по щекам текут слёзы.

Она не знала, почему плачет. Не знала, что именно обещала. Не знала, была ли Аня её сестрой, почему мать говорила о ней так, будто девочка умерла, и почему все взрослые вокруг неё решили, что правду можно спрятать за запертой дверью.

Но голос за дверью звучал так, словно девочка действительно ждала её много лет.

И Марина впервые за всё время поняла, что больше всего боится не того, что находится на шестом этаже.

Она боялась, что однажды вспомнит, почему сама оставила Аню там.

На часах было 15:07.

До шести оставалось почти три часа.

А за дверью кто-то тихо, терпеливо ждал.

Марина не знала, сколько времени простояла возле двери.

В какой-то момент она перестала слышать голос бабушки. Потом ей показалось, что за дверью кто-то тихо напевает. Мелодия была знакомой, но она не могла вспомнить ни слов, ни того, где слышала её раньше.

Когда Марина была маленькой, бабушка иногда пела на кухне. Не песни из телевизора, не популярные мелодии, а что-то старое, без отчётливого начала и конца. Марина обычно не слушала. Ей было важнее, чтобы бабушка поскорее закончила готовить и разрешила пойти гулять.

Теперь эта мелодия возвращалась обрывками.

Три ноты вверх.

Две вниз.

Пауза.

И снова три ноты.

Марина прижала ладони к ушам.

— Хватит.

Пение оборвалось.

Она медленно опустила руки.

За дверью больше не было ни звука.

Марина посмотрела на часы. 15:19.

Всего двенадцать минут.

Ей казалось, что прошло гораздо больше.

Она заставила себя отойти от двери и вернуться в комнату. Там, на кровати, лежало письмо бабушки. Марина взяла его, ещё раз перечитала последние строки и аккуратно сложила листы.

«Если Аня позовёт тебя по имени, не отвечай, пока не убедишься, что перед тобой именно она».

Почему бабушка не написала, как убедиться?

Почему мать сказала, что Аня была её сестрой, но тут же добавила, что сейчас сестры у неё нет?

И что значило: «Мы договорились, что она останется там»?

Марина открыла заметки в телефоне. Ей нужно было записать вопросы, пока они не смешались в одну бесконечную череду.

Аня:

сестра?

когда родилась?

где жила?

почему нет документов?

что случилось летом 2007-го?

почему я забыла?

что значит «оставить там»?

Она остановилась.

Последний вопрос почему-то показался ей самым важным.

Марина перечитала его, затем дописала:

Кто именно оставил Аню?

Она положила телефон на стол и осмотрела комнату.

Если мать говорила правду, в квартире должны были остаться какие-то следы. Детские вещи, старые документы, фотографии, записи. Даже если взрослые старались скрыть существование девочки, они не могли уничтожить абсолютно всё.

Разве что очень старались.

Марина открыла шкаф.

На верхней полке лежали коробки с зимними вещами, несколько старых сумок и свёрнутый плед. Она сняла их по очереди, поставила на кровать и заглянула в дальний угол.

Там стояла картонная коробка из-под обуви.

На крышке бабушкиным почерком было написано:

«Маринины вещи. Не выбрасывать».

Марина сняла крышку.

Внутри лежали детские варежки, сломанная заколка, несколько школьных тетрадей и мягкая игрушка — плюшевый заяц с одним оторванным ухом. Она помнила его. Бабушка подарила зайца, когда Марина пошла в первый класс. Тогда он казался ей огромным, почти с неё ростом, а теперь легко помещался на ладони.

Марина провела пальцем по потёртой ткани.

Заяц пах пылью и старым шкафом.

Под ним лежала стопка рисунков.

Большинство были обычными детскими каракулями: дом с трубой, солнце, зелёная трава, человечки с круглыми головами. На одном Марина нарисовала бабушку, на другом — мать, на третьем — себя в красном платье.

Она перебирала листы, пока не заметила рисунок, сложенный пополам.

Бумага пожелтела по сгибу.

На лицевой стороне были нарисованы две девочки, стоящие перед высоким домом. Одна была с тёмными волосами, другая — со светлыми. Между ними тянулась красная линия, похожая на нитку.

Над домом было написано неровными буквами:

«НАШ ДОМ».

Марина перевернула лист.

На обороте детской рукой было выведено:

«Если я забуду, Аня должна меня найти».

Она села на пол.

Воспоминание пришло не сразу. Сначала возникло ощущение: солнечный свет на лице, горячие доски крыльца, комариный писк возле уха. Потом запах — яблоки, которые лежали в картонной коробке под столом, и влажная земля после полива.

А потом голос.

— Напиши ещё раз.

— Я уже написала.

— Нет, ты написала неправильно.

— А как правильно?

— Не «если я забуду». Надо «когда я забуду».

— Почему?

— Потому что ты обязательно забудешь.

Маленькая Марина сидела за столом на дачной веранде. Перед ней лежал лист бумаги, рядом — красный фломастер. Аня стояла у окна и смотрела на двор.

— Я не забуду, — сердито сказала Марина.

— Забудешь.

— Нет!

Аня обернулась.

Она не улыбалась.

— Ты всегда забываешь, когда тебе страшно.

Марина проснулась от собственного вздоха.

Нет. Она не спала.

Она сидела на полу в комнате бабушки, держа в руках детский рисунок.

Но воспоминание было настолько отчётливым, что ей казалось, будто она только что вернулась из другого времени.

Марина посмотрела на дату, написанную в углу листа.

«Июнь. 2007».

Год, когда Аня исчезла.

Она перевернула рисунок ещё раз.

На этот раз заметила под основной надписью маленькие буквы, которые раньше принимала за случайные штрихи.

«Две девочки. Один выход».

Марина перечитала фразу.

Потом положила рисунок на кровать и продолжила разбирать коробку.

На самом дне лежал небольшой бумажный пакет, перевязанный красной ниткой.

Марина сразу узнала её.

Та же шерстяная нить, что на фотографиях. Тёмно-красная, местами выцветшая. Узел был завязан вдвое, а один конец оставлен длиннее другого.

Она осторожно сняла нитку.

Внутри пакета оказалась детская фотография.

На снимке Марина и Аня сидели на полу возле дивана. Между ними стояла синяя папка. Обе девочки смотрели в камеру, но выражения их лиц были разными: Марина улыбалась, а Аня казалась серьёзной.

На заднем плане стояла бабушка.

Она смотрела не на детей.

Она смотрела на дверь.

Марина перевернула фотографию.

На обороте было написано:

«Первый раз. Не повторять».

Никакой даты.

Никакого объяснения.

Марина положила снимок рядом с рисунком и сфотографировала оба предмета. Затем открыла галерею и сравнила их с другими изображениями.

Синяя папка появлялась на нескольких фотографиях.

На снимке у забора Аня держала её под мышкой.

На фотографии в квартире папка стояла возле двери.

На другом снимке, сделанном на даче, она лежала на коленях у Марины.

Во всех случаях папка была закрыта.

Ни разу Марина не видела, что находится внутри.

Она откинулась на кровать и посмотрела в потолок.

Если папка действительно существовала, значит, её можно было найти. Возможно, именно там лежали документы Ани. Или записи бабушки. Или тот самый список имён, о котором говорила мать.

Но почему мать сказала, что папка ещё не вернулась?

Марина села.

«Она появится там, где ты впервые её оставила».

Она посмотрела на рисунок.

«Две девочки. Один выход».

Потом на дверь кухни.

Может быть, папка находилась не в квартире.

Может быть, её нужно было искать на шестом этаже.

Эта мысль показалась настолько неприятной, что Марина сразу отложила её в сторону. Она не собиралась спускаться в неизвестное место только потому, что кто-то оставил ей несколько загадочных фраз.

Сначала — факты.

Она достала из сумки ключ, который дала Нина Петровна, и положила на стол. Потом нашла связку бабушкиных ключей. Длинный плоский ключ всё ещё был на месте.

Два похожих ключа.

Две двери.

Марина внимательно осмотрела их.

Ключ Нины Петровны был старше, темнее, с небольшим кольцом. На его головке выцарапана цифра шесть.

Бабушкин ключ был чуть длиннее, с потёртой головкой и следами краски возле борodka.

Марина попробовала вставить бабушкин ключ в замок кухонной двери.

Он вошёл без сопротивления.

Она не повернула его.

Потом взяла ключ Нины Петровны и попробовала вставить в тот же замок.

Ключ не подошёл. Даже не вошёл до конца.

Марина выдохнула.

Это было хорошо. По крайней мере, ключи действительно были разными.

Она убрала их в отдельные карманы сумки и вернулась к коробке.

На дне лежал ещё один предмет.

Небольшой блокнот в синей обложке.

Марина открыла его.

Первые страницы были пустыми. На следующих шли детские записи, сделанные крупными буквами с ошибками. Некоторые слова были зачёркнуты, некоторые исправлены другим почерком — аккуратным, взрослым.

На одной странице было написано:

«Аня сказала, что за дверью есть ещё одна комната».

Ниже, другим почерком:

«Не было никакой комнаты».

На следующей странице:

«Мы ходили туда вчера. Там стоял стул и зеркало».

Под записью:

«Ты была дома весь вечер».

Марина перевернула лист.

«Бабушка сказала, что я должна забыть».

Под этим:

«Бабушка сказала, что я должна помнить».

Марина закрыла блокнот.

Впервые за всё утро она почувствовала не страх, а глубокую усталость. Не физическую — хотя спала она плохо, а такую, которая появляется, когда слишком долго пытаешься удержать в голове несовместимые вещи.

Она не могла одновременно верить всем записям и считать их правдой.

Но не могла и выбросить их как детскую фантазию.

Марина убрала блокнот обратно в коробку, оставив сверху рисунок и фотографию.

Затем посмотрела на часы.

16:03.

До шести оставалось меньше двух часов.

Она решила уйти из квартиры хотя бы ненадолго. Купить еды, пройтись по улице, посидеть в кафе. Ей нужно было оказаться среди людей, где можно услышать чужие разговоры, увидеть обычные лица и напомнить себе, что жизнь не сводится к старым фотографиям и лестницам, которых не существует.

Марина надела куртку, взяла сумку и подошла к входной двери.

Перед тем как выйти, она посмотрела на кухню.

Дверь между кухней и коридором была закрыта.

Табличка по-прежнему висела на ней.

«НЕ ОТКРЫВАТЬ ПОСЛЕ 18:00».

Марина вышла, заперла квартиру и проверила замок дважды.

На лестнице никого не было.

Она спустилась до первого этажа, вышла во двор и только тогда позволила себе выдохнуть.

В ближайшей кофейне было многолюдно.

За столиком у окна сидели две студентки с ноутбуками. У стойки мужчина в рабочей форме спорил с баристой о том, сколько сиропа нужно добавлять в большой латте. В углу ребёнок лет пяти капризничал, потому что мать не разрешала ему трогать витрину с пирожными.

Марина заказала чай и бутерброд, выбрала столик у стены и села спиной к залу.

Она достала блокнот и попыталась составить список того, что уже знала.

1. Аня существовала.

Фотографии это подтверждали. Её помнила Нина Петровна, помнила бабушка, а мать, судя по всему, знала о ней гораздо больше.

2. Аня могла быть её сестрой.

Это сказала мать. Но никаких документов Марина пока не видела.

3. В 2007 году произошло нечто, связанное с шестым этажом.

В доме была лестница, которую закрыли. Нина Петровна утверждала, что Аня пропала, а Марина провела почти сутки в странном состоянии.

4. Память о девочке менялась.

По словам Нины Петровны, люди забывали Аню. Марина не помнила её до вчерашнего дня, но теперь начала вспоминать отдельные моменты.

5. Синяя папка важна.

В ней может находиться список людей, которые помнили Аню.

6. Бабушка пыталась предупредить Марину.

Она оставила письмо, фотографии и странные записи.

Марина посмотрела на список.

Он выглядел почти разумно. Пункты можно было проверить. Найти документы, поговорить с матерью, изучить историю дома. Даже шестой этаж можно было объяснить техническими помещениями или незаконной перепланировкой.

Но шестой пункт не объяснял, почему ночью за дверью стояла умершая бабушка.

Марина зачеркнула фразу «почти разумно», которую успела написать на полях. Потом открыла браузер и начала искать сведения о доме № 17.

Она уже знала, что в архиве района сохранился план 1998 года. Теперь ей хотелось найти более старые документы: технический паспорт, материалы капитального ремонта, записи о перепланировках.

Через несколько минут нашлась электронная версия городской газеты за 2007 год.

Марина ввела в поиск слова «Лесная», «пропала девочка», «июнь».

Первые результаты были о других людях. В городе действительно пропадали дети, но ни одна заметка не совпадала с тем, что рассказывала Нина Петровна.

Она попробовала фамилию бабушки.

Ничего.

Имя Анна Павловна.

Слишком много совпадений, ни одного нужного.

Затем она ввела «дом № 17 улица Лесная шестой этаж».

Результатов не было.

Марина уже собиралась закрыть поиск, когда заметила маленькую ссылку внизу страницы — архив старых форумов. Она открыла её.

Сайт выглядел так, словно его не обновляли лет пятнадцать. Серый фон, мелкий шрифт, таблицы с датами и именами пользователей. Большая часть изображений не загружалась.

В разделе о старых домах города нашлась тема:

«Кто помнит лестницу в доме на Лесной?»

Последнее сообщение было опубликовано в ноябре 2012 года.

Марина открыла тему.

Первое сообщение написал пользователь под ником Северянин:

«В детстве жил в доме на Лесной, 17. Там была какая-то странная дверь между четвёртым и пятым этажами. Бабушка говорила, что раньше дом был выше, но потом один этаж закрыли. Кто-нибудь знает, правда ли это?»

Через несколько дней ответил пользователь Кот_в_сапогах:

«Не выдумывай. Пятиэтажка и есть пятиэтажка. Никакого шестого этажа не было».

Ещё через неделю появился новый комментарий:

«Я помню эту дверь. Внутри была лестница вниз. Мы с братом однажды открыли её, но дальше не пошли, потому что оттуда пахло сыростью. Это было в конце девяностых».

Следующее сообщение было странным:

«Не надо обсуждать эту лестницу. Там нет ничего интересного».

Его автор зарегистрировался в тот же день и больше не появлялся.

Марина прокрутила страницу вниз.

Через несколько месяцев пользователь Северянин написал:

«Я нашёл старую фотографию. На ней видно табличку “6-й этаж”. Если кому-то интересно, могу выложить».

Фотографии не было.

Следом шёл комментарий:

«Не выкладывай. Я серьёзно».

Затем:

«Почему?»

Ответ появился через четыре минуты:

«Потому что я видел её вчера».

После этого тема замолкала почти на год.

Последнее сообщение было опубликовано в ноябре 2012-го.

«Если кто-нибудь помнит девочку по имени Аня, напишите мне. Я не могу найти её фотографию, но точно знаю, что она была. Мы жили в одном доме. Ей было восемь лет».

Марина перечитала сообщение.

Ей было восемь лет в 2007 году.

Ане тоже.

Она посмотрела на дату публикации.

Пятнадцать лет назад.

Марина открыла профиль пользователя Северянин. В информации было указано имя: Игорь. Город — Нижневартовск. Возраст на момент регистрации — двадцать три года.

В профиле сохранилась ссылка на электронную почту, но адрес был скрыт.

Марина попыталась отправить личное сообщение.

Сайт выдал ошибку: пользователь давно не заходил в систему.

Она попробовала найти ник в других социальных сетях. Результаты были бесполезными.

«Северянин» встречался повсюду.

Тогда Марина вернулась к форуму и скопировала текст последнего сообщения в заметки.

«Если кто-нибудь помнит девочку по имени Аня, напишите мне».

Игорь искал её спустя пять лет после того, как она исчезла.

Значит, Аня не была только семейной тайной.

Кто-то ещё помнил её.

Или помнил, что когда-то помнил.

Марина закрыла ноутбук и посмотрела на бутерброд. Она съела только половину.

За соседним столиком ребёнок наконец получил пирожное. Мать поправила ему воротник и вытерла салфеткой крем с щеки. Мальчик что-то сказал, и женщина рассмеялась.

Марина отвела взгляд.

Она не знала, была ли у неё когда-нибудь сестра. Но если была, то почему никто не сохранил о ней нормальных воспоминаний? Почему её имя появлялось только в записях, которые противоречили сами себе?

И почему все, кто знал Аню, так боялись, что Марина её вспомнит?

Телефон завибрировал.

Сообщение пришло с незнакомого номера.

«Не ищи шестой этаж через интернет».

Марина выпрямилась.

Она посмотрела на номер. Код был российский, но контакт неизвестен.

Она набрала ответ:

«Кто это?»

Сообщение было доставлено.

Ответ пришёл через несколько секунд.

«Игорь. Я видел твою фотографию».

Марина почувствовала, как у неё пересохло во рту.

Она не отправляла свою фотографию никому, кроме матери. Нина Петровна видела снимок лично, но у неё не было номера Марины до сегодняшнего утра.

Марина написала:

«Какую фотографию?»

Ответ:

«Две девочки у забора. На заднем плане дом».

Она медленно подняла голову.

В кофейне всё оставалось по-прежнему. Люди разговаривали, бариста протирал стойку, за окном проезжали машины.

Марина снова посмотрела на телефон.

«Откуда вы её видели?»

Три точки появились почти сразу, но сообщение долго не приходило.

Потом экран погас.

Марина разблокировала его и увидела новое сообщение.

«Потому что я стоял за забором, когда её делали».

Она перечитала фразу.

Затем набрала:

«Кто делал фотографию?»

Ответ:

«Твоя бабушка».

Марина почувствовала, как холодеют руки.

«Вы знали мою бабушку?»

«Да».

«Вы знали Аню?»

На этот раз ответа пришлось ждать дольше.

Марина уже решила, что собеседник отключился, когда телефон снова завибрировал.

«Я был её братом».

Марина перестала дышать.

Аня была её сестрой.

Игорь был братом Ани.

Если он говорил правду, значит, у девочки была семья за пределами квартиры на Лесной. Родители, возможно, другие родственники, люди, которые должны были искать её после исчезновения.

Марина написала:

«Как вас найти?»

Ответ пришёл почти мгновенно.

«Не приезжай к дому одна».

Марина сжала телефон.

«Почему?»

«Потому что он уже знает, что ты вспомнила».

Следом пришло ещё одно сообщение.

«И если ты хочешь узнать, что произошло в июне 2007 года, сначала найди фотографию, на которой Аня держит зеркало».

Марина перечитала последнее предложение.

Зеркало.

Она вспомнила отражение в прихожей, лестницу, мать и девочку, стоявших на площадке.

Потом вспомнила фотографию, которую видела в коробке Нины Петровны. Три человека у двери на шестой этаж. На заднем плане — табличка.

Но никакого зеркала там не было.

Марина быстро открыла галерею и просмотрела фотографии из квартиры бабушки.

Снимок в пижаме.

Аня возле двери.

Синяя папка.

Она увеличила изображение.

В углу кадра действительно находился предмет, который раньше казался ей частью мебели. Узкая прямоугольная поверхность, прислонённая к стене. На ней отражалась полоска света.

Зеркало.

Марина приблизила снимок ещё сильнее.

В отражении виднелась часть комнаты, диван и окно. Но возле окна стоял кто-то ещё.
Не Аня.

Не бабушка.

Человек в тёмной одежде, лица которого не было видно.

Марина отодвинула телефон.

Она посмотрела на часы.

17:11.

До шести оставалось сорок девять минут.

И впервые за весь день Марина поняла, что ей нужно вернуться в квартиру на Лесной раньше, чем наступит вечер.

Не потому, что она хотела открыть дверь.

А потому, что кто-то другой уже знал, что она её нашла.

Когда Марина вышла из кофейни, ветер стал сильнее.

Небо потемнело, хотя до вечера оставалось ещё достаточно времени. По дороге к остановке она несколько раз оглянулась, не понимая, чего именно опасается. Ей казалось, что кто-то идёт следом, но каждый раз за спиной оказывались обычные прохожие.

Она села в автобус и всю дорогу держала телефон в руке.

Игорь больше не писал.

Марина отправила ему ещё три сообщения, но ни одно не было прочитано.

На остановке возле дома она вышла и сразу направилась к подъезду.

Дверь была открыта.

Внутри горел свет.

Марина поднялась по лестнице, стараясь не смотреть на ступени. На третьем этаже ей показалось, что кто-то стоит выше, за поворотом. Она ускорила шаг, но когда добралась до площадки, там никого не было.

Квартира бабушки встретила её тишиной.

Марина закрыла дверь, заперла замок и проверила часы.

17:43.

Она успела.

Но теперь, когда она оказалась внутри, не знала, что именно должна сделать.

Открыть дверь до шести?

Найти зеркало?

Проверить, появилась ли синяя папка?

Она прошла на кухню.

Табличка по-прежнему висела на двери.

«НЕ ОТКРЫВАТЬ ПОСЛЕ 18:00».

Под ней появилась третья строка.

Марина остановилась.

Буквы были тонкими, почти прозрачными, словно кто-то написал их карандашом и потом попытался стереть.

«ОН УЖЕ ВНУТРИ».

Марина отступила.

В квартире что-то скрипнуло.

Она медленно повернула голову к коридору.

Входная дверь была закрыта.

Окна — тоже.

В комнате бабушки тихо тикали часы.

И всё же из-за спины донёсся звук шагов.

Не детских.

Тяжёлых, медленных, осторожных.
Марина обернулась.
В дверном проёме никого не было.
Только зеркало в прихожей отражало кухню.
И в отражении, прямо за её плечом, стоял мужчина.
Марина резко повернулась.
Пустота.
Она снова посмотрела в зеркало.
Мужчина всё ещё стоял там.
Высокий, в тёмном пальто. Лицо скрывала тень, а руки были опущены вдоль тела. Он не двигался, не приближался, не пытался привлечь её внимание.
Просто смотрел.
Марина сделала шаг назад.
Мужчина в зеркале остался на месте.
Она подняла руку.
Он не поднял свою.
Тогда Марина поняла, что он не отражается.
Он находится по другую сторону стекла.
И смотрит на неё через тонкую поверхность, за которой не было никакой комнаты.
Мужчина медленно поднял руку и приложил ладонь к зеркалу.
На стекле, с той стороны, появилась маленькая ладонь.
Детская.
Красная нитка обвивала запястье.
Аня стояла рядом с ним.
Она не смотрела на Марину.
Она смотрела на мужчину.
И беззвучно произнесла:
«Беги».
Марина бросилась к входной двери.
Но прежде чем успела повернуть ключ, из кухни донёсся звук открывающегося замка.
Кто-то открыл дверь на шестой этаж.
И по квартире прокатился тихий детский счёт:
— Один.
Марина замерла.
— Два.
Она схватилась за ручку входной двери.
— Три.
Замок не поворачивался.
— Четыре.
Марина дёрнула ручку сильнее.
— Пять.
Свет в прихожей погас.
— Шесть.
За её спиной медленно открылась дверь кухни.
И кто-то произнёс голосом Игоря:
— Марина, не оборачивайся. Что бы ты ни услышала, не оборачивайся.
Голос Игоря звучал так, словно он стоял совсем рядом. Не за дверью кухни, не в комнате бабушки, а прямо у Марины за плечом. Она узнала его по сообщениям, хотя до этого никогда не слышала, как он говорит.

Это было невозможно.

Именно поэтому она не обернулась.

Она вцепилась в ручку входной двери и ещё раз повернула ключ. Тот поддался на четверть оборота, затем застрял. Марина дёрнула его обратно, пытаясь вспомнить, в какую сторону открывался замок. Руки дрожали, ключ царапал металл.

За спиной скрипнули половицы.

— Не надо, — сказал Игорь.

Марина замерла, не выпуская ключа.

— Что мне делать?

— Отойди от двери.

— Какой?

— От той, которую ты пытаешься открыть.

— Это входная дверь!

— Я знаю.

В голосе Игоря послышалось раздражение. Совершенно человеческое, даже немного нелепое в этой ситуации. Будто Марина была не в квартире с невозможной лестницей, а в очереди в поликлинике, где кто-то не понимает, какой талон нужно взять.

— Тогда почему ты говоришь, чтобы я отошла?

— Потому что сейчас ты держишься за ручку не той двери.

Марина посмотрела на свою руку.

Она держалась за ручку входной двери. Это было совершенно ясно. Под пальцами ощущался холодный металл, на уровне глаз виднелась потёртая коричневая краска, а рядом висел крючок, на который бабушка вешала связку ключей.

И всё же, когда Марина попыталась отпустить ручку, пальцы не разжались.

Не потому, что их кто-то удерживал.

Просто она больше не чувствовала собственную кисть.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь. Перестань смотреть на замок.

— Я и не смотрю.

— Марина, ты смотришь на него уже несколько минут.

Она закрыла глаза.

На мгновение ей показалось, что она снова маленькая. Стоит босиком в бабушкином коридоре, а перед ней тянется лестница, на которой нет окон. Где-то внизу капает вода. На ступенях лежат сухие листья, хотя на улице лето.

И рядом Аня.

Девочка держит её за руку.

— Не считай, — говорит Аня.

Марина пытается спросить, почему, но вместо слов слышит собственное дыхание.

Потом Аня отпускает её руку.

И Марина остаётся одна.

— Открой глаза, — сказал Игорь.

Она подчинилась.

Ручка под пальцами снова была обычной. Марина разжала руку и отступила от входной двери.

— Хорошо, — произнёс голос. — Теперь не двигайся.

— Где ты?

— Неважно.

— Ты в квартире?

— Нет.

— Тогда откуда ты говоришь?

— Из места, которое ты уже видела.

Марина сглотнула.

— Из зеркала?

Ответа не последовало.

Она осторожно повернула голову в сторону прихожей, но остановилась, не дойдя до зеркала взглядом.

— Ты сказал, что я держусь за не ту дверь. Что это значит?

— Ты открыла её не в первый раз.

— Я ничего не открывала!

— Сегодня — нет.

За спиной послышался тихий стук.

Один раз.

Потом второй.

Третий.

Марина сжала зубы.

— Это Аня?

— Не отвечай ей.

— Ты только что сам велел мне не оборачиваться. Теперь не отвечать. Что вообще происходит?

— Я пытаюсь не дать тебе повторить то, что случилось тогда.

— В две тысячи седьмом?

— Да.

— Ты был там?

— Был.

— Сколько тебе было лет?

— Двенадцать.

Марина попыталась представить мальчика двенадцати лет рядом с восьмилетними девочками. Она не могла вспомнить Игоря. Не могла даже понять, как он выглядел. Но его имя почему-то не вызывало такого сопротивления, как имя Ани.

Игорь был настоящим человеком. Он писал сообщения, отвечал на вопросы, предупреждал её об опасности.

Аня была фотографией, голосом за дверью и девочкой, которую она не помнила.

Пока что Марина держалась за эту разницу.

— Если тебе было двенадцать, — сказала она, — значит, ты должен помнить всё.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я тоже забыл.

— Но ты же ищешь её.

— Я помню, что должен искать.

Марина медленно опустила на корточки возле входной двери.

Это объяснение было хуже любого другого.

Забывать человека, но сохранить необходимость его искать. Потерять воспоминания, но продолжать действовать так, будто где-то внутри осталась незавершённая задача.

Она знала это ощущение по собственной жизни. После развода у неё несколько недель оставались привычки, которые больше не имели смысла: купить продукты на двоих, написать Андрею, что задерживается, оставить место в шкафу для чужой одежды. Память уходила медленнее, чем действия.

Но там всё было понятно.

Здесь — нет.

— Игорь, — сказала Марина, — как мне выйти?

— Ты уже пыталась.

— Я спрашиваю, как выйти по-настоящему.

— Не через ту дверь.

— А через какую?

— Через ту, которую открыла первой.

Марина подняла голову.

В квартире было темно, но из комнаты бабушки пробивалась узкая полоска дневного света. Электричество, похоже, отключилось не везде: где-то в глубине коридора негромко гудел холодильник.

— Кухонную дверь я открыла первой, — сказала она.

— Нет.

— Тогда какую?

— В тот вечер ты открыла дверь на шестой этаж.

Марина почувствовала, что у неё начинает болеть голова.

— Я была ребёнком.

— Я знаю.

— И что, ты хочешь сказать, что я сама туда вошла?

— Я хочу сказать, что ты сама её открыла.

За спиной снова раздался звук.

На этот раз не стук.

Кто-то провёл ногтем по дереву, медленно, от верхнего края двери к нижнему. Звук был неприятно знакомым. Марина слышала его в детстве, когда бабушка запирала кладовую и Аня пыталась заглянуть внутрь через щель.

Тогда они смеялись.

Теперь смеяться было нечему.

— Марина, — позвала девочка.

Голос звучал из кухни.

— Ты опять всё перепутала.

Марина прижала ладонь ко рту.

— Ты сказала, что заберёшь меня.

— Не отвечай, — повторил Игорь.

— Я не отвечаю.

— Ты отвечаешь ей мысленно.

Марина резко открыла глаза.

— Что?

— Ты сейчас вспоминаешь, что ей сказать. Не делай этого.

— Я не могу запретить себе думать!

— Можешь не продолжать.

Девочка за дверью засмеялась.

Это был короткий смешок, почти обычный. Марина услышала в нём ту самую интонацию, которую помнила по детскому рисунку: Аня всегда смеялась, когда Марина злилась из-за проигрыша в настольной игре.

— Ты всё ещё слушаешь его? — спросила Аня. — Он ведь тоже не помнит.

Марина закрыла глаза.

— Он не знает, кто я, — продолжала девочка. — Он не знает, кто ты. Он даже не знает, почему его мама перестала произносить моё имя.

Игорь не ответил.

— Спроси его, Марина.

Она молчала.

— Спроси, что случилось с его мамой.

Марина почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение. Ей хотелось повернуться, закричать, потребовать, чтобы все наконец перестали говорить загадками.

Но она вспомнила письмо бабушки.

«Если Аня позовёт тебя по имени, не отвечай, пока не убедишься, что перед тобой именно она».

Она не знала, что значит «именно она».

Зато теперь понимала, что голос за дверью может знать слишком много.

И это ещё не доказывало, что перед ней Аня.

— Игорь, — произнесла Марина, не оборачиваясь. — Ты сказал, что был там. Что ты видел?

На этот раз он ответил не сразу.

— Я видел, как ты вышла из квартиры.

— Когда?

— В июне 2007 года.

— Одна?

— Нет.

Марина почувствовала, как сжалось горло.

— С кем?

— С Аней.

В кухне что-то упало.

Затем наступила тишина.

Марина ждала продолжения, но Игорь молчал.

— И что было дальше?

— Вы поднялись по лестнице.

— На шестой этаж?

— Да.

— Зачем?

— Я не знаю.

— Ты пошёл за нами?

— Нет.

— Почему?

— Потому что Аня попросила меня остаться.

— Что она сказала?

— Что вы скоро вернётесь.

Марина медленно выпрямилась.

— И ты остался?

— Да.

— Один?

— Да.

— И сколько ты ждал?

— До утра.

Она не сразу поняла, что именно в его ответе показалось ей странным.

Потом поняла.

— Ты был ребёнком, — сказала Марина. — Тебе было двенадцать. Ты провёл ночь в подъезде, потому что две девочки ушли на несуществующий этаж?

— Да.

— И никто не спросил, где ты был?

— Спросили.

— Кто?

— Мама.

— Что ты ей сказал?

— Что ждал сестру.

Марина закрыла лицо руками.

Ей хотелось, чтобы Игорь оказался сумасшедшим, обманщиком, человеком, который нашёл старую фотографию и решил сыграть с ней злую шутку. Это было бы проще. Тогда можно было бы прекратить разговор, вызвать полицию, сменить замок и уехать из города.

Но он говорил о событиях так, будто сам не понимал, как они произошли.

— А когда вы вернулись? — спросила Марина.

— Вы не вернулись.

Она опустила руки.

— Что?

— Утром на лестнице была только я.

— Аня и я...

— Вас не было.

— Но я же...

Марина осеклась.

Она хотела сказать, что вернулась. Она находилась здесь, в настоящем, в квартире бабушки. У неё была работа, бывший муж, привычки, любимая кружка и целая жизнь, которую она помнила.

Но это не означало, что Игорь не мог говорить правду о той ночи.

— Как я оказалась дома? — спросила она.

— Не знаю.

— Кто меня нашёл?

— Твоя бабушка.

— Когда?

— Через три дня.

Марина медленно повторила:

— Через три дня.

— Она пришла на лестницу и забрала тебя.

— Откуда?

— С шестого этажа.

У Марины пересохло во рту.

— Ты же сказал, что нас не было.

— Вас не было на лестнице. Я искал вас три дня. А потом бабушка сказала, что ты дома.

— И ты ей поверил?

— Нет.

— Тогда почему ничего не сделал?

Игорь тихо вздохнул.

— Потому что на следующее утро я уже не помнил, что искал.

Марина посмотрела на собственные руки.

На левом запястье белел тонкий шрам. Она знала, откуда он: порезалась о стеклянную банку, когда была маленькой. Мать тогда долго ругалась, бабушка промывала ранку и заклеивала пластырем.

Так ей рассказывали.

А если это воспоминание тоже было чужим?

— Игорь, — спросила она, — ты уверен, что я была там?

— Я видел тебя.

— Но ты не помнишь.

— Я помню фотографию.

— Какую?

— Ту, на которой вы стоите у забора.

Марина закрыла глаза.

— Значит, ты знаешь меня только по фотографии?

— Нет.

— Тогда что ты помнишь?

— Я помню, как ты сказала мне, что я трус.

Несмотря на страх, Марина почти рассмеялась.

Это было так нелепо, так по-детски, что на мгновение она увидела перед собой не таинственного человека из сообщений, а обычного мальчика, которого две девочки не захотели брать в свою игру.

— За что?

— Я отказался идти с вами.

— На шестой этаж?

— Да.

— А Аня?

— Она сказала, что я всё равно ничего не пойму.

Марина прислонилась затылком к двери.

— Она часто так говорила?

— Да.

— Она была...

Марина замолчала.

Она хотела спросить, какой была Аня. Доброй? Злой? Весёлой? Но каждый вариант казался слишком простым для девочки, которая одновременно существовала на фотографиях и могла стоять по другую сторону невозможной двери.

— Она была обычной, — сказал Игорь, словно услышал её вопрос. — До того дня.

— А потом?

— Потом она стала говорить так, будто знала, что произойдёт.

Из кухни донёсся шорох.

Марина не повернулась.

— Что именно она знала?

— Что вы обе забудете.

Игорь говорил тише, чем раньше.

— И что я тоже забуду. Но она сказала, что если кто-нибудь из нас однажды вспомнит, то всё начнётся снова.

— Что начнётся?

— Я не знаю.

— Ты постоянно это повторяешь.

— Потому что это правда.

Марина замолчала.

В какой-то момент она перестала понимать, сколько времени прошло. Ей казалось, что разговор длится часами, хотя на самом деле могло пройти не больше десяти минут.

— Игорь, — сказала она, — я хочу, чтобы ты ответил на один вопрос. Только на один. Без загадок.

— Спрашивай.

— Аня была моей сестрой?

Он долго молчал.

— Да.

— Ты уверен?

— Я помню, что вы были сёстрами.

— Это не одно и то же.

— Для меня — одно и то же.

Марина провела ладонью по лицу.

— А кто были её родители?

— Твои родители.

— То есть мой отец...

Она осеклась.

Марина почти ничего не знала о своём отце. Родители расстались, когда она была маленькой, и он давно жил в другом городе. Они иногда переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, но никогда не говорили о прошлом. Марина не могла вспомнить, чтобы он когда-нибудь рассказывал ей о второй дочери.

— Мой отец знал об Ане? — спросила она.

— Да.

— И где он сейчас?

— Не знаю.

— Ты не знаешь, где живёт мой отец?

— Марина, я не знаю даже, жив ли он.

Она медленно опустилась на пол.

За дверью кухни что-то тихо щёлкнуло.

Свет в коридоре загорелся сам собой.

Марина посмотрела на часы.

17:56.

До шести оставалось четыре минуты.

— Игорь, — прошептала она, — что произойдёт в шесть?

— Не знаю.

— Перестань!

Она впервые повысила голос.

— Ты сам написал мне, чтобы я не возвращалась одна. Ты предупредил, что дом знает, что я вспомнила. Ты говоришь, что был там в две тысячи седьмом, что Аня была моей сестрой, что мы ушли на шестой этаж и не вернулись. А теперь ты не знаешь, что будет в шесть?

— Я знаю только одно.

— Что?

— После шести дверь перестанет быть дверью.

Марина посмотрела на кухню.

— А чем она станет?

— Выходом.

— Куда?

Игорь не ответил.

Вместо него заговорила Аня.

— Домой.

Голос прозвучал совсем близко.

Марина резко втянула воздух.

— Ты ведь хочешь домой, Марина? — спросила девочка. — Ты устала. Ты не ела. Ты всё время боишься. Давай просто пойдём домой.

Марина стиснула зубы.

— Здесь мой дом.

— Нет.

— Здесь квартира моей бабушки.

— Бабушки больше нет.

— Замолчи.

— Она тоже обещала меня забрать.

Марина закрыла глаза.

— И не забрала, — тихо сказала Аня.

Эти слова ударили сильнее, чем все предыдущие.

Потому что Марина не могла их опровергнуть.

Она не знала, что сделала бабушка. Не знала, почему мать говорила о договорённости. Не знала, кто оставил Аню на шестом этаже.

Но она знала, что сама обещала её забрать.

Это обещание всплыло из памяти не как звук, не как образ, а как уверенность, которую невозможно было объяснить.

Она обещала.

И не выполнила.

— Марина, — произнёс Игорь. — Послушай меня внимательно. У тебя есть несколько минут. И ты должна сделать одну вещь.

— Какую?

— Найти зеркало.

— Я уже видела его.

— Нет. Ты видела отражение. Тебе нужно найти само зеркало.

— Зачем?

— Потому что именно там вы оставили папку.

Марина открыла глаза.

— В зеркале?

— За ним.

— Ты хочешь сказать, что синяя папка находится за зеркалом?

— Да.

— И как мне её достать?

— Не знаю.

Марина стиснула кулаки.

— Если ты ещё раз скажешь...

— Посмотри на часы.

Она посмотрела.

17:58.

Из кухни донёсся протяжный скрип. Дверь медленно открывалась, хотя Марина была уверена, что до этого она оставалась закрытой.

На полу появилась тонкая полоса света.

За дверью не было ни кухни, ни коридора, ни бетонной лестницы.

Там стояла комната.

Маленькая, с низким потолком и зелёными обоями. У стены — диван с цветочным покрывалом. На подоконнике — две кружки, одна с отколотой ручкой. На столе — детские карандаши и лист бумаги.

Марина узнала эту комнату.

Она видела её во сне много лет назад.

В комнате стояла девочка в светлом платье.

Аня.

Она держала синюю папку.

— Ты долго, — сказала девочка.

Марина не ответила.

— Я ждала тебя.

За её спиной тикали часы.

17:59.

— Ты обещала, — сказала Аня.

Марина медленно поднялась с пола.

Она не хотела идти к двери.

Не хотела видеть комнату.

Не хотела узнавать, что произошло в тот день.

Но теперь она понимала: если уйдёт, то не избавится от происходящего. Она просто оставит вопрос без ответа. А неизвестность продолжит расти, пока не займёт всё пространство её жизни.

Марина сделала один шаг.

Игорь заговорил почти одновременно с ней:

— Не входи.

Она остановилась.

— Ты же сам сказал найти зеркало.

— Да.

— И папку.

— Да.

— Тогда почему не входить?

— Потому что это не та комната.

Марина посмотрела на девочку.

Аня стояла неподвижно.

— Какая же тогда?

— Та, которую ты помнишь.

— Я не помню эту комнату.

— Помнишь.

Марина почувствовала, что голова снова начинает болеть.

— Я видела её во сне.

— Это не сон.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я тоже был там.

Аня улыбнулась.

В её улыбке не было ничего пугающего. Она выглядела так же, как на фотографиях: светлые волосы, тонкие губы, немного насмешливый взгляд.

И всё же Марина не могла заставить себя поверить, что перед ней сестра.

— Ты говорил, что не помнишь, — прошептала она.

— Я не помню, как попал туда.

— Но помнишь комнату?

— Иногда.

— Что это за место?

— Не знаю.

Аня подняла синюю папку.

— Марина, посмотри.

На обложке было написано её имя.

Не детским почерком.

Взрослым.

«МАРИНА ВИКТОРОВНА. НЕ ОТДАВАТЬ».

Марина невольно сделала ещё один шаг.

— Что там? — спросила она.

— Всё, что ты забыла.

— Отдай мне.

— Подойди.

Игорь резко сказал:

— Не бери её из рук.

— Почему?

— Потому что тогда ты согласишься.

— На что?

— На то, чего не помнишь.

Аня опустила папку.

— Он боится, — сказала она. — Он всегда боялся. Даже когда мы были детьми.

Марина посмотрела на девочку.

— Если ты действительно Аня, ответь мне на один вопрос.

— Хорошо.

— Как звали нашего плюшевого зайца?

Аня моргнула.

Всего один раз.

Но Марина заметила.

— Какого зайца? — спросила девочка.

Марина почувствовала, как внутри что-то оборвалось.

Она вспомнила коробку в шкафу. Зайца с оторванным ухом. Детскую фотографию, где они сидели возле дивана. Рисунок, на котором две девочки стояли перед домом.

Если Аня была её сестрой, она должна была знать.

Хотя бы это.

— Ты не помнишь? — спросила Марина.

Аня покачала головой.

— Я не люблю игрушки.

— Но у тебя был заяц.

— Нет.

— Был.

Девочка нахмурилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.